Экспедиция Оюнсу

Автор:
Сергей Тармашев

Экспедиция Оюнсу

Сергей Сергеевич Тармашев

Миры и войны Сергея ТармашеваОюнсу #2

С момента резни в отеле «Оюнсу» миновало шесть лет. Марина и Максим уцелели в Чаше Печали, но безымянный ужас, погубивший их приятелей, не спешит отпускать своих жертв. Каждую ночь молодых людей преследуют жуткие галлюцинации, мешающие вернуться к нормальной жизни. Но древнее зло можно убить. Старые шаманы немногочисленных народов, которые по-прежнему живут в затерянных деревнях посреди бескрайних сибирских лесов, хранят легенду о могущественном артефакте, который поможет чистым сердцем одолеть кошмары. Однако артефакт хранится где-то в глубине долины Оюнсу, и чтобы обрести свободу, Марине и Максиму предстоит вернуться обратно на место гибели своих друзей и снова столкнуться со своим самым страшным кошмаром лицом к лицу.

Сергей Сергеевич Тармашев

Экспедиция Оюнсу

© С.С. Тармашев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава первая

Швейцария, Женева, штаб-квартира Организации Объединенных Наций, наши дни.

– Мисс Мирошниченко, вы уже покидаете нас? – Мистер Менахем, попавшийся ей в дверях на выходе в центральный коридор, включил стандартную резиновую улыбку американского бизнесмена. – Так рано? Вы в порядке?

– Спасибо, со мной все хорошо, – Марина привычно ответила тем же. – У меня несколько важных деловых встреч в офисах партнерских организаций. Вторая половина моего рабочего дня пройдет вне офиса. Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Вашей обворожительной улыбки достаточно! – В голосе Менахема зазвучали сладкие нотки. – Вы самый очаровательный сотрудник во всей нашей огромной организации! – Он якобы внезапно спохватился: – Не смею вас задерживать! Желаю приятного дня!

– Спасибо, – поблагодарила девушка. – Вам того же!

Она направилась дальше, сопровождаемая взглядом Менахема. Мода на обвинения в харассменте достигла своего апогея, и влиятельный чиновник не рисковал разглядывать Марину явно, предпочитая смотреть украдкой. Что, впрочем, не делало его взгляд менее липким. Но подавать в суд из-за всего лишь взгляда в моду еще не вошло, поэтому она просто игнорирует его взгляды, с каждым месяцем становящиеся все дольше и выразительнее. Менахему пятьдесят три, он руководитель одной из подкомиссий, каких в ООН множество, и даже не миллионер. Пара-другая жалких миллионов долларов на счету – не в счет. Очень уместный каламбур, кстати. Ни ее отец, ни она сама не видят в подобных кавалерах ничего интересного, даже будь Менахем помладше лет на двадцать. Таких вот ненужных поклонников, оказывающих Марине знаки

внимания, девать некуда. Привлекательная русская девушка, интеллектуал, экспертный сотрудник ООН, дочь российского олигарха – короче, желающих пруд пруди.

Недостаток кандидатов в мужья ей не грозит, только за последний год отец дважды пытался устроить ее свадьбу, но оба раза его планы рушились из-за ее позиции. Все кандидаты не устраивали Марину по понятным причинам, и она наотрез отказывалась строить серьезные отношения. Дело быстро доходило до истерики, и отец не стал настаивать, учитывая ее психологическое состояние. Пока не стал. Было ясно, что долго это продолжаться не будет, но ей всего двадцать шесть, и время еще есть. Вообще она сама понимала, что с личной жизнью нужно что-то решать. Точнее, что-то нужно решать со своими психическими реакциями, наличию личной жизни мешающими. С того жуткого кошмара, случившегося с ней в чудовищном и необъяснимом ужасающем месте, получившим название «Отель Оюнсу», прошло шесть лет без двух с половиной месяцев, но душевное равновесие так и не удалось восстановить до уровня полноценной жизни.

Марина зашла в лифт, отвечая на будничные приветствия окружающих, и машинально шагнула в дальний угол кабины. Когда за спиной нет пустого пространства, откуда может последовать нападение, а все помещение находится перед глазами, она чувствует себя спокойнее. Двери в лифт закрылись, и нервная система невольно напряглась, реагируя на недостаточно яркое внутреннее освещение. К счастью, в противоположном углу кабины стояла какая-то совсем невысокая женщина, и ее низкорослая фигура почти не отбрасывала тени. Пять лет назад и такой полумрак в углу привел бы Марину в ужас. С тех пор ее состояние значительно улучшилось, и приступы животной паники перестали преследовать ее на каждом шагу. Но остальные проблемы никуда не делись, лишь стали меньше и продолжали отравлять жизнь.

Лифт достиг первого этажа, и Марина поспешила к выходу из здания. Ставить машину где бы то ни было в подземных паркингах она старалась избегать всеми силами, потому что там хватает полумрачных углов, в которых ей то и дело мерещится сгущающаяся темнота, внутри которой таится чудовищный монстр. Поэтому почти всегда она оставляет машину на улице, где бы ни была, и это зачастую приводит к штрафам за неправильную парковку. Но на такие копейки дочь олигарха может просто не обращать внимания. Душевный комфорт дороже.

В тот памятный час, когда она, неуклюже шагая по сугробам в выданных загадочным егерем охотничьих лыжах, покинула долину Оюнсу, ее страдания не закончились. Поначалу все было нормально. Егерь вел их через практически непролазную заснеженную тайгу часов пять, и за все это время никто не проронил ни слова. Марина, словно заведенная, монотонно переставляла ноги, вяло удивляясь отсутствию усталости и неизвестно откуда взявшейся выносливости, которой у нее никогда особо не наблюдалось. Она даже не замерзла, хотя позже выяснилось, что вокруг минус тридцать три. Тогда это не вызвало у нее какого-нибудь выдающегося изумления. Ее горнолыжный костюм не был рассчитан на столь низкие температуры, но тем не менее был достаточно теплым, а сама она все это время не прекращала двигаться. К тому же жить захочешь – еще не такое сумеешь, это общеизвестно, а выжить она хотела изо всех сил.

Таежный переход закончился неожиданно: егерь вывел их на какую-то заснеженную поляну, посреди которой стоял его старый задрипанный внедорожник – та же самая японская трахома с правым рулем и возрастом лет в двадцать легко, на которой он встретился им по дороге в отель. Егерь велел ей и Максу садиться на задние сиденья и спать. Макс что-то неуверенно спрашивал насчет отсутствия ведущей от поляны дороги, егерь ответил, что дорогу не видно под снегом, но она есть. Разговаривал егерь очень скупо, неохотно и с хорошо заметным равнодушием, но в тот момент Марине было не до всего этого. Ее впервые за истекшие сутки не трясло от страха, и она уснула сразу же, как только за ней захлопнулась автомобильная дверь.

Проснулась она через несколько часов от того, что ее трясет за плечо Макс. Егерь довез их до какого-то захолустного населенного пункта, высадил из машины и уехал, не задавая вопросов, не объяснив, что делать дальше, где искать помощь, ничего. Просто высадил посреди накрытой безветренным снегопадом улицы и уехал, вот и все. Отогревшихся за время поездки молодых людей спросонья охватил озноб, но замерзать им пришлось недолго. Через минуту к ним уже бежали вооруженные военные с оружием наизготовку и грозными окриками «Стоять!» и «Руки вверх!». Оказалось, что Марина с Максом находятся на территории какого-то секретного военного объекта, прямо в самом его центре, и никто не понимает, откуда они там взялись. Всякие-разные часовые-постовые-караульные не видели и не слышали никакого внедорожника, а колею от его колес быстро засыпало снегом, и отследить ее получилось то ли на двадцать, то ли на тридцать метров, и это ничего не дало.

Вот с этого момента проблемы в ее жизни возобновились и продолжаются по сей день. Сначала военные приняли их за иностранных шпионов. Горнолыжный костюм Марины был заляпан кровью, и это резко усугубило их подозрения. Молодых людей немедленно заковали в наручники, заперли в каком-то подвальном каземате и устроили очень агрессивный допрос, хорошо хоть без рукоприкладства. Их рассказу о чудовищной резне в отеле Оюнсу никто не поверил. Его даже не стали дослушивать целиком, сразу заявили, что никакого отеля в долине Оюнсу нет. На просьбы Марины позвонить ее отцу военные не реагировали до тех пор, пока не подняли свой секретный объект по тревоге и не проверили весь личный состав. Убедившись, что все живы и кровь на снаряжении молодых людей чья-то еще, военные доложили в какой-то свой штаб, после чего заявили, что завтра за ними приедут. Потому что погода стоит нелетная, а ехать предстоит двести километров, то есть по местным ухабам, да еще под снегопадом, это часов пять минимум, поэтому никто не попрется сюда, на ночь глядя.

А до тех пор задержанные будут порознь содержаться на местной гауптвахте, потому что вторглись на территорию секретного государственного объекта, а это преступление. И вообще, пусть радуются, что их не перестреляли часовые, ибо оружие против таких вот нарушителей на данном объекте применяется без предупреждения. Судя по тону офицера, говорившего все это, было несложно понять, что этих самых часовых ждет неминуемая расплата за то, что они никого не пристрелили, а самому офицеру угрожает кара ничуть не меньше за то, что его подчиненные допустили проникновение посторонних на секретный объект. В заключение он посоветовал им хорошенько вспомнить все, что они знают об этом якобы егере, который, по их же словам, якобы просто взял и привез их на машине внутрь секретного объекта, окруженного двойным периметром различных заграждений и единственными воротами, находящимися под неусыпной охраной.

Ночь прошла жутко. Оказавшись одна, в грязной полутюремной камере без удобств и постельного белья, на замызганном матрасе и в полумраке тусклого освещения, Марина едва не сошла с ума из-за вернувшихся кошмаров. Как только надзиратели выключили свет на ночь, воцарившийся мрак ожил булькающим сипением ходячих трупов, шаркающими шагами маньяка и тихим, почти беззвучным издевательским смехом. От поистине животного ужаса Марина орала и визжала так, будто ее на самом деле потрошит жуткий кровожадный монстр, явившийся за ней из отеля. На ее леденящие душу вопли сбежалась охрана, свет включили, мечущуюся в полубезумном бреду по камере девушку отловили и вызвали начальство. Начальство в виде все того же

усталого офицера велело вколоть Марине успокоительное и вняло ее мольбам не выключать в камере свет, отказав при этом в просьбе перевести ее в камеру к Максу или хотя бы оставить с ней в камере кого-нибудь из надзирателей.

Под успокоительным и при свете галлюцинаций у нее больше не было, что доказывало факт отсутствия на данном секретном объекте ужасающего монстра из несуществующего отеля. Однако заснуть Марина так и не смогла и до прибытия следователей не сомкнула глаз. Она даже не сумела заставить себя позавтракать, потому что в солдатской каше, которую принесли в камеру в грубой алюминиевой тарелке, ей чудились личинки трупных червей и оторванные человеческие пальцы. Позже выяснилось, что Макс чувствовал себя ненамного лучше, просто он не орал, потому что психика чемпиона в экстремальном виде спорта более стойко переносила галлюцинации.

Следователи прибыли ближе к полудню, и Марину с Максом повезли в Хабаровск, в какие-то военные следственные органы, так сказал один из дознавателей, или кто он там был, неважно. Снегопад все еще шел, поэтому везли их в обычном автозаке для перевозки зеков, и всю дорогу следователей интересовали все те же вопросы: как молодые люди сумели проникнуть на ядерный объект и кто этот якобы егерь, который их туда привез. Не составляло труда понять, что в рассказ Марины и Макса о кровавой резне в отеле они не верят абсолютно, он их вообще не интересует. Зато тот факт, что молодые люди внезапно не смогли вспомнить ни номер внедорожника егеря, ни его имя, ни лицо, ни даже дать его описание, явно говорил следователям о многом. Все, что Марина с Максом могли вспомнить о егере, это лишь то, что у оного был тяжелый пронзительный взгляд, скорее недобрый, нежели злой, и то, что над ним постоянно кружила высоко в небе странная птица, очень крупная и с драконьими крыльями. Оба следователя многозначительно переглядывались и продолжали задавать одни и те же вопросы.

На требования Марины позвонить отцу, известному на всю страну олигарху, они с невозмутимыми лицами отвечали, что до выяснения личностей преступников, проникших на секретный ядерный объект, а также непосредственно способов и целей их проникновения никакие требования данных преступников удовлетворены не будут. Это вызвало у Марины истерику, которая закончилась тем, что ей заклеили рот и вновь надели наручники. Следователи принялись за Макса, но добиться от него чего-либо понятного не смогли. Он тоже рассказывал о несуществующем отеле, жуткой резне, монстрах, появляющихся из сгущающегося в темных углах мрака, и ходячих мертвецах, вылавливающих для

него жертв. В довершение всего выяснилось, что Макс не помнит или делает вид, что не помнит, как он добирался до сторожки егеря и что видел внутри нее.

В общем, их долго везли куда-то в автозаке, отказывая в воде, пище и возможности справить естественные надобности. Впрочем, для последнего в автозаке имелось какое-то уродливое, грязное и крайне антисанитарное приспособление, которым Марине и было предложено воспользоваться. Несколько часов она не решалась даже подходить к этому рассаднику всевозможной заразы, потом стало совсем невмоготу, и использовать отхожее место все же пришлось. После всего пережитого ее психика восприняла этот процесс достаточно спокойно, что и понятно, однако по заинтересованным взглядам следователей тут же стало ясно, что преступник прокололся. Рассказывает о том, что дочка олигарха, а сама пользуется зековской парашей, даже не поморщившись. В конце концов автозак все-таки приехал в какой-то город, и Марину с Максом посадили в камеры уже вполне настоящей тюрьмы.

Первым делом их отправили на медицинский осмотр, сразу предупредив, что после этого будет помывка, переодевание в тюремную одежду, прием пищи и допрос. И никаких телефонных звонков или адвокатов им, как государственным преступникам, не положено. Сколько бы все это продолжалось, неизвестно, но тут Марину спас ее мобильный. Трубка давно разрядилась, следователи отдали ее каким-то своим техническим специалистам, те зарядили аккумулятор и принялись выуживать из аппарата информацию. В этот момент служба безопасности отца обнаружила выход в сеть телефона Марины, с которым не было связи почти трое суток, и доложила отцу. Отец позвонил дочери, трубку снял кто-то из военных следователей, и личность Марины быстро подтвердилась. Отец мгновенно развил бурную активность, поставил на уши стольких влиятельных людей, что следующий звонок следователям делал чуть ли не министр обороны лично. Через пять часов Марина с Максом в сопровождении каких-то силовиков сидели в бизнес-классе рейса Хабаровск – Москва и ждали взлета.

В Москве отец встречал их лично, в окружении целой свиты из доверенных лиц, юристов и представителей силовых структур далеко не самого среднего уровня. Макса сразу же куда-то увезли, позже оказалось, что на закрытую «дачу» ФСБ, где он полгода находился под домашним арестом «до выяснения обстоятельств дела». Марину заперли в семейной усадьбе на Рублевке, охрану усилили вдвое, и до июля преподаватели, врачи и психотерапевты ездили к ней на дом. Там же она сдавала университетские экзамены. И даже не думала сопротивляться

такому положению дел, потому что могла только догадываться о том, насколько опасные интриги бушевали вокруг нее в это время.

Позже мама рассказала, что первые полгода прошли очень нервно. Базояны, Габазовы, Агаевы, Сенкевичи, Абрамовы, Вознесенские, Гайшаловы и даже «олигарх-лайт» Кулич, хоть возможностями не вышел, короче, все встали на дыбы в поисках своих отпрысков. На одежде и снаряжении Марины и Макса экспертиза нашла кровь каждого из пропавших молодых людей, и в первые дни все решили, что это Марина с Максом убили всех своих друзей на почве наркотического опьянения. Тем более что в крови у Марины были найдены следы сильнодействующего психотропного вещества. Само собой, их странный и душераздирающий рассказ о мистическом монстре не вызвал у родственников погибших ни малейшего доверия. Дело едва не дошло до тайной войны, вендетту удалось предотвратить только благодаря здравомыслию всех заинтересованных сторон, которое удалось выработать с огромным трудом. В долину Оюнсу за полгода было отправлено три следственных бригады, последняя из них насчитывала более сотни сотрудников силовых ведомств, которым на месте был придан не то батальон, не то полк Внутренних войск, тогда еще Росгвардии не было.

Следователи перевернули по камушку долину вместе с прилегающими к ней окрестностями и нашли банду убийц-психопатов, орудовавшую в тех местах. Несколько человек под видом сотрудников экоотеля заманивали туристов в глухие места, обманом пичкали наркотиками и жестоко убивали, издеваясь в извращенной форме. Банда не пожелала сдаваться и была полностью уничтожена в ходе штурма. Всех их пособников выявили и тоже уничтожили, потому что сообща решили, что пожизненное заключение слишком мягкое наказание для таких нелюдей, как они. Чтобы не травмировать и без того глубоко несчастных родственников жертв убийц-психопатов, дело не стали предавать огласке. Все засекретили и оставили в тайне. Чтобы не давать повода для радости всевозможным злопыхателям, желтой прессе, писакам всех мастей и прочим червям, которые ради жалких копеек за вонючую статейку обгадят любое горе кого угодно. Представители всех пострадавших семей через ее родителей попросили Марину никому ничего не рассказывать. Она, естественно, согласилась.

Но для самой Марины этот кошмар так полностью и не закончился. Долгое время в каждом темном углу ей мерещились ходячие выпотрошенные мертвецы с остекленевшими глазами и искореженными предсмертными муками лицами,

булькающие перерезанным горлом и сжимающие в окровавленных руках собственные вывалившиеся внутренности. Больше полугода ей было очень страшно есть, потому что воспаленная психика внезапно могла увидеть в еде копошащихся личинок или отгрызенное с мясом ухо Романа Сенкевича вместе с вырванными глазами и отломанными пальцами, испачканными в кровавых ошметках. Марина сильно отощала, ела мало и чуть что страдала от рвоты, жила на транквилизаторах и ежедневно получала несколько часов психиатрических и психотерапевтических процедур. А тут еще появился Макс со своим параноидальным бредом, и чуть ее окончательно не добил.

Оказалось, что в июне, после того как дело было закрыто, со Смирнова взяли подписку о неразглашении и отпустили. Но суперустойчивая психика спортсмена-экстремала оказалась не такой уж устойчивой, и крыша у Макса съехала полностью. Он бросил спорт и уехал куда-то в глушь. Поначалу все подумали, что навсегда. Но спустя полгода, точно в годовщину жуткой резни, он объявился вновь и даже сумел как-то узнать новый номер телефона Марины. Он позвонил и попросил встретиться тайком от всех. После всего пережитого видеть его Марине не хотелось совсем, психика едва начала стабилизироваться, и соприкасаться с частью того жуткого кошмара, пусть даже не опасной, никакого желания не было. Но Макс настаивал, заявив, что у него есть важная информация о том, что же все это было, ибо он только что вернулся из тех мест. Первым желанием Марины было слить его отцу, но Смирнов сказал, что знает о том, что у нее в темноте жуткие галлюцинации, потому что у него такие же, и знает, как от этого избавиться. Пришлось согласиться на встречу, потому что темнота реально является для нее леденящим душу кошмаром, от которого недалеко до необратимого сумасшествия.

Они встретились днем, в модном кафе в Камергерском переулке, которое Марина предпочитала последнее время из-за хорошего внутреннего освещения. Ей стоило немало усилий выбраться на эту встречу без охраны, но в первые же минуты она пожалела о том, что избавилась от провожатых. Макс однозначно сошел с ума и своими рассказами напугал ее до жути.

– Его можно убить! – с жаром шептал Макс с нездоровым блеском в глазах. За минувший год он сильно изменился: похудел, осунулся, отпустил модную сейчас бороду, но она лишь придавала ему зловещий вид. Который еще более усугублялся дешевыми китайскими шмотками. – Я провел в этой долбаной тайге полгода, облазил все окрестности, достал до полусмерти всех тамошних шаманов, колдунов и прочих шарлатанов всяких малых и коренных народностей!

Со мной долго никто не хотел разговаривать, но я все-таки добился своего! Мы не первые, кто попал в руки к этому монстру, были и другие, много, это чудовище живет в долине Оюнсу тысячи лет, все, как в легенде! Он убивает всех, кто приходит в долину зимой, но некоторые спасались, потому что имели оружие против него!

– Какой монстр?! – Марина почувствовала, как ее начинает бить нервная дрожь и тщательно утапливаемые в глубинах сознания страхи начинают выползать наружу. – Какое чудовище?! Какое оружие, Макс?! Что ты несешь?! Не было никакого монстра, нас опоила наркотиками банда убийц-психопатов, их всех поймали и уничтожили вместе с подручными! Ты болен! Тебе нужен врач!

– Так ты ничего не знаешь? – Возбужденный тон Макса мгновенно стих и сменился на настороженный. – Тебе ничего не рассказали?

Он неуверенно замолчал, и в его глазах явственно читалась мысль, а надо ли продолжать этот разговор. Макс окинул кафе полным подозрения взглядом и молча достал из кармана денежную купюру, собираясь расплатиться за кофе и уходить. Эта неожиданная его реакция заставила Марину остаться, и она, желая любой ценой избавиться от поджидающих ее в темноте жутких галлюцинаций, попросила Макса объяснить, что происходит. На свою голову, блин. Лучше бы уехала домой!

– Не было никакой банды психопатов, – теперь Макс говорил тихо и как-то слишком спокойно, что только усиливало медленно заполняющий ее страх. – Сразу после того, как мы вернулись в Москву, меня заперли в каком-то ФСБ-шном НИИ не то криминалистики, не то чего-то еще. Я так и не узнал ни названия, ни точного местоположения, меня везли туда и оттуда в автобусе без окон. В палате, где я провел полгода, окон тоже не было…

Он зло поморщился, как-то агрессивно выдыхая, но продолжил все так же тихо:

– Сначала они хотели все повесить на меня. Требовали признания, допрашивали по двадцать два часа в сутки, кололи какую-то гадость, чтобы развязать язык. Через несколько дней в долину Оюнсу отправилась следственная бригада, пять человек вроде… В Хабаровске им придали еще местных силовиков. Бригада добралась до долины, сообщила о прибытии на место и больше на связь не выходила. Через неделю кого-то из местных отправили к ним, выяснить, в чем

дело. Местные вернулись и сообщили, что никого в долине не нашли. Ни следователей, ни их вещей, ни транспорта – никаких следов. Военные, которым принадлежит тамошняя запретная зона, никого не видели и ничего не знают. Заявили, что с тех пор, как долину вывели из ведения Министерства обороны, они там не появляются, а раньше проблем не было.

Макс вновь зло выдохнул:

– После этого следователи меня чуть в клочья не порвали, требовали, чтобы я выдал своих подельников, даже током били, у них для этого специальные девайсы есть! – Он усилием воли убрал с лица гримасу ненависти. – Думал, не выдержу и в конце концов признаюсь в чем угодно, лишь бы не мучили. Наверное, их остановило то, что детектор лжи показывал, что я не вру… или то, что под химией я говорил все то же самое, не знаю… Короче, следом за первой следственной бригадой отправили вторую, побольше. Она тоже бесследно исчезла, словно ее вообще не существовало. После этого каждая или почти каждая из семей послала туда своих людей, и никто из них не вернулся. Я слышал, что в общей сложности в долине пропало под сотню народа, и каждый раз кто-нибудь из следователей ставил мне это в вину, обещая, если я не признаюсь, выдать меня родственникам убитых. Как у меня в те дни крыша не съехала – не знаю.

Молодой человек умолк, и Марина с ужасом подумала, что он ошибается: разум у него однозначно помутился, один только безумный взгляд это доказывает! Она сама видела такой, в зеркале, сразу после возвращения домой…

– Короче, они дождались, когда в мае там сошел снег, и отправили в долину целую армию. Человек сто всяких следователей, которым выдали пару тысяч местных военных. Они провели там почти месяц, просеяли долину по травинке, облазали все окрестные сопки и ничего не нашли. Никаких следов. Ни наших, ни прежних следственных бригад, ни частных сыщиков – ничего. Только местную легенду от престарелых местных аборигенов, выживших из ума из-за возраста. Древний дух убитого влюбленного охотника мстит людям за свою смерть и убийство возлюбленной. И делает это тысячи лет, пробуждаясь в снежные зимы. Летом долина безопасна. Частично это подтвердилось архивами КГБ СССР. При Союзе в долине добывали мрамор, и работы велись только летом, потому что зимой там бесследно пропадали люди, и причину этого выяснить не удалось. Позже долину включили в состав запретных территорий, потому что в том районе построили ядерный объект, на который нас привез егерь. Егеря, кстати,

тоже не нашли. Оказалось, что там нет и не было никакого егерского хозяйства, лесничества и тому подобного, ибо запретная зона.

– То есть отец обманул меня? – Марина изо всех сил старалась давить разрастающуюся панику. – Следователи никого не нашли? Убийцы все еще на свободе?

– Не было никаких убийц, – с мертвенной отрешенностью обреченного человека произнес Макс. – По крайней мере, людей-убийц точно не было. Некого было находить. Легенда не врет. В долине живет Древнее Зло, оно убивает всех, кто попадает на его территорию зимой. Не знаю, как все это себе объяснили родственники погибших. Никаких следов найдено не было, ни тел, ни автомобилей, ничего. У меня в крови наркотиков не обнаружили, но наши с тобой показания совпадали, полиграф и несколько психиатрических экспертиз показали, что я не вру и не псих, хотя наш рассказ выглядит бредом. В общем, меня отпустили. Сказали, что за недостаточностью улик. Думали, что если я преступник, то поеду к своим подельникам и выведу следствие на них. За мной организовали слежку, но я подумал, что это родственники убитых хотят сделать меня крайним и собираются устроить расправу.

Макс опять замолчал и на этот раз молчал почти минуту, отрешенно глядя куда-то в пустоту. Наконец он продолжил бесцветным голосом и почти беззвучно:

– В те дни мне было уже все равно. Убьют так убьют, даже если придется умирать долго. Все равно это закончится, пусть не через несколько секунд, так через несколько часов. Плевать. Потому что жить я уже почти не мог. С того момента, как мы вернулись в Москву, и до сих пор я не могу оставаться в темноте, не могу даже видеть темноту где-нибудь в углу. Всюду мне мерещатся выпотрошенные мертвецы… они зовут меня, идут ко мне, тянут руки, в которых держат собственные кишки… Хорошо, хоть не хватают, как там, в долине, и не оставляют кровавых отпечатков. Это не настоящие мертвецы. Это всего лишь галлюцинации, но они выматывают… с тех пор я даже сплю при включенном свете. Мне даже в камере ФСБ-шного НИИ освещение не выключали, и я искренне им за это благодарен… хотя они, наверное, делали это только потому, что не хотели потерять подозреваемого.

Он болезненно потряс головой и перевел взгляд на Марину. Его голос зазвучал тверже:

– Несколько дней я сидел дома и ждал, когда меня придут убивать киллеры от вашей олигархической тусы. Но никто не приходил, а галлюцинации стали еще сильней, потому что в НИИ мне кололи какие-то лекарства, а дома ничего такого не было. Потом я вдруг понял, что если ничего не сделать, то я так и буду всю жизнь шарахаться от теней и спать при свете, пока окончательно не свихнусь. Тогда я продал фирменные борды и дорогое спортивное снаряжение, собрал все деньги, которые смог, поехал в Хабаровск, арендовал машину и начал искать долину. Поначалу попасть туда не получалось, я не знал, где конкретно она находится, а дорогу, по которой мы ехали туда на джипах, я запомнил смутно. Пришлось искать наугад, и меня пару раз ловили внутри запретной зоны и сдавали в полицию. Там со мной проводили профилактическую беседу и неожиданно быстро отпускали. Позже выяснилось, что этому способствовали оперативники, которые за мной следили. На третий раз я дорогу все-таки нашел. Машина по пути в долину чуть не развалилась, там дорога – сплошные ухабы в метр глубиной, ничего похожего на ту ровную зимнюю трассу, по которой мы ехали. Пока добрался, потерял бампер и умерло два амортизатора, но в долину я попал.

Пару секунд Макс молчал, вспоминая что-то, потом нездорово улыбнулся:

– И убедился, что мы с тобой не психи. – Он вялым жестом успокоил сжавшуюся в комок Марину, у которой от ужаса расширились глаза. – Нет, никакого отеля там не было. Багровой ацтекской пирамиды, залитой кровью и усыпанной черепами, тоже. Хотя мраморная сопка была, я даже на нее поднимался, но это обычный заброшенный мраморный рудник или как там его правильно… Сторожку егеря я увидеть не смог, летом там густая листва, ничего не разглядеть, без снега даже склон горы выглядит по-другому. Место, с которого я начинал спуск тогда, когда уходил за помощью, удалось найти очень приблизительно. Неудивительно, что никто ту сторожку не нашел, я помню ее очень смутно, она совсем маленькая, можно мимо пройти и не заметить. Со мной так и произошло, я два часа продирался через непролазную растительность, снег выше колена, кругом кусты и деревья, идешь прямо или кружишь – непонятно. Он ведь сам меня нашел, сказал, что в окно заметил, как я где-то вдалеке через снег и кусты продираюсь. Короче, увидеть его сторожку летом я не смог, идти наугад не рискнул, да и спуститься по тому склону живым нереально. А как обойти сопку и не заблудиться, я не знаю. Поэтому от поисков егеря пришлось отказаться, тем более что съезда с дороги, который должен был вести к его сторожке, я найти не смог. Поэтому продолжил изучать саму долину.

Она оказалась пуста, только в самом центре стоят несколько каких-то давно сгнивших развалившихся хибар, трухлявые деревянные руины. Много следов от больших стационарных палаток, полно относительно свежих мусорных ям, заполненных пустыми пластиковыми бутылками, использованными консервными банками и рваной пластиковой упаковкой, сразу видно, что народа в третьей следственной бригаде было сотни. Зато я нашел то, что реально существовало там при нас – пепелище от зимовья, в котором мы сожгли монстра. Оно находится точно там, где было тогда. Следственная бригада вычистила пепелище в поисках улик, и узнать зимовье труда не составило. Вот тогда я твердо понял, что все, что случилось с нами, произошло на самом деле. Мы выжили благодаря егерю, который относился к древней легенде всерьез, и стало ясно, что если я хочу докопаться до истины, то должен принять легенду за аксиому. А раз так, то в тот момент мне ничего не грозило, потому что лето, и монстр не сможет помешать мне вести свое расследование.

Макс взял в руки чашечку с остывшим кофе и нервно выпил ее в два глотка, словно воду.

– Я решил, что начать надо с изучения легенды. Егерь рассказал мне ее в общих чертах, да и меня тогда, у него в машине, она особо не интересовала. Просто попросил рассказать для поддержания разговора, чтобы не ехать молча. От него, если честно, тянуло чем-то опасным, но в то же время не агрессивным… или даже агрессивным, но не злым… я даже не знаю, как это описать. В общем, попросил рассказать, чтобы сгладить некомфортные ощущения. Он словно это понял, потому что в подробности не вдавался. Теперь же было понятно, что легенда нужна мне целиком и как можно подробнее. Я вернулся в Хабаровск и пошел по всяким краеведческим музеям и библиотекам. Но там никто ничего подобного не слышал. А в музее мне и вовсе сказали, что, судя по некоторым нюансам повествования, эта легенда на самом деле «новодел» и вряд ли имеет место быть на самом деле. Но если мне так хочется убедиться в этом лично, то стоит поездить по деревням местных коренных народностей и поговорить со стариками. Так я и сделал.

Он посмотрел в пустую кофейную чашку, окликнул официанта и попросил бутылочку воды.

– На это ушло почти полгода. – Макс вновь с подозрением, исподлобья оглядел кафе, словно стремился вычислить филеров или иных соглядатаев. – Выяснить места нахождения деревень тамошних малых народностей было несложно,

сложно было до них добраться. И еще сложнее оказалось разговорить местных колдунов и шаманов. Мне охотно рассказывали всякие байки из их фольклора, но никто не хотел ничего говорить о долине Оюнсу. Мол, Чаша Печали, да, слышали, но ничего не знаем и вообще никогда там не были, ибо незачем. Ни о какой легенде знать не знаем!

Макс усмехнулся:

– Я объехал десятка полтора напрочь захолустных поселков тамошних малых народностей, в некоторых даже не все понимали по-русски, но ничего не узнал. Тогда я попытался искать в интернете что-нибудь похожее на эту легенду в китайском фольклоре. Это тоже оказалось бесполезно, зато на каком-то форуме мне кто-то посоветовал ставить бутылку, а еще лучше две тамошним рыбоедам, потому что якобы малые народности Севера и Дальнего Востока очень охочи до «огненной воды» и под это дело гораздо сговорчивее, чем на трезвую голову. Выбирать особо не приходилось, я закупился водкой и отправился объезжать поселки по второму кругу. Но водка мне пригодилась не для этого. Оказалось, что во все поселки, где я побывал, сразу после меня приезжали следователи и брали в оборот тех, с кем я подолгу общался. Проверяли на причастность к преступлению. Поэтому местные, едва завидев меня второй раз, злились и гнали взашей, несколько раз даже охотничьими стволами в грудь тыкали. В качестве моральной компенсации я отдавал им спиртное, градус агрессии снижался, но все равно меня просили убраться из поселка поскорее. С небольшими вариациями так происходило везде, и я понял, что ничего не найду. Тогда я пошел на хитрость и в очередном селе сказал, что так и буду ходить по поселкам, пока не услышу от кого-нибудь нужную легенду во всех подробностях, а следом за мной будет приезжать полиция и доставать всех, особенно тех, кто мне угрожает.

На третий раз эта уловка сработала. Когда я уезжал из очередного поселка, на таежной дороге на меня едва не упало дерево. Дорогу перегородило, и я даже подумал, что местные решили от меня избавиться посреди глухой тайги. Но вместо этого ко мне вышел немолодой нанаец и сказал, что если я хочу узнать то, что мне нужно, мне необходимо прийти в урочище неких духов, где я смогу получить искомое в обмен на подношения. В качестве подношения духи согласны принять от меня автомобильный аккумулятор на сто ампер-часов, обязательно новый и с электролитом. Я тогда с трудом удержался от улыбки и согласился. Нанаец указал точку на карте и скрылся в тайге так же, как появился. Я отыскал ближайший более-менее крупный населенный пункт, где

нашлись в продаже нужные аккумуляторы, купил один и отправился в указанное урочище, духам которого не чужд прогресс. Правда, оказалось, что доехать дотуда невозможно, последние пятнадцать километров пришлось идти пешком по тайге и тащить аккумулятор на себе, а это двадцать пять килограмм, он один весит как все мое снаряжение. Я все равно пошел, но двигаться удавалось вдвое медленнее, чем обычно, и эти пятнадцать километров я шел весь день. Потом наступили сумерки, я не рискнул идти дальше и устроил стоянку. Там меня и нашел шаман.

Официант принес Максу бутылочку с водой и попытался было наполнить ему стакан, но Смирнов нервным движением забрал у него бутылочку, торопливо бросил: «Спасибо!» и выпил воду прямо из горлышка. После чего попросил еще воды, дождался, когда прячущий недоумение официант уйдет, и продолжил тревожным тоном:

– Шаман был маленьким, старым и сморщенным, на вид лет восемьдесят или сто восемьдесят, я в нанайцах не разбираюсь. Может, он и не нанаец был вовсе, не знаю. Он с бубном в руках вышел к моему костру из леса неожиданно, я даже за топор схватился с перепуга, мне в окружающей тьме мертвецы чудились. Шаман подошел к костру, начал бить в бубен и заявил, что «костер плох, однако, жерди должны быть длиннее, тогда следы Древнего Зла не будут чернеть так сильно». Как только он забил в бубен, мои глюки исчезли. Он что-то пел себе под нос и ходил вокруг костра кругами, совсем недолго, но мне стало реально легче. Потом он сел напротив меня и сказал, чтобы я молчал, потому что духи мною недовольны, и он не станет рассказывать мне легенду, если я заговорю. Я молча закивал, и он рассказал.

Макс как-то странно съежился, скорее, внутренне, чем внешне, словно заранее готовился прикоснуться к чему-то, леденящему душу. Несколько секунд он будто решался, продолжать или нет, потом заговорил совсем чужим, бесцветным и механическим тоном. Марина даже вздрогнула от неожиданности, настолько его голос оказался непохож сам на себя.

– Десять тысяч лет назад в долине Су, что в переводе с древнего языка желтой расы означает «Чаша», действительно были жестоко убиты двое влюбленных: молодой парень, простой нищий охотник, и девушка еще моложе, первая красавица племени. Брак между ними был невозможен, потому что по тогдашним законам первая красавица должна была достаться самому сильному воину или самому авторитетному шаману. В день свадьбы множество именитых

кандидатов из окрестных племен съехались в стойбище, чтобы заполучить себе первую красавицу. Они осыпали ее семью богатыми дарами, стоившими целое состояние, а нищий охотник вручил красавице лишь серебряную заколку в виде кинжала. Его высмеяли и тут же забыли, потому что основной спор разгорелся между сыном вождя, который был великим воином, и шаманом соседнего племени, являвшимся признанным авторитетом в окрестных землях. Спор затягивался, семья девушки никак не могла определиться с будущим мужем, и по требованию вождя шаман племени обратился к верховному божеству, чтобы оно ниспослало юной красавице уверенность в выборе. Шаман провел ритуал, но вопреки ожиданиям красавица выбрала нищего охотника, скрепила волосы его заколкой и объявила себя его женой. Отвергнутые претенденты были возмущены, вождь племени пришел в ярость, но племя и гости празднества встали на сторону красавицы и охотника, потому что их союз был благословлен самим верховным божеством. Тогда вождь потребовал доказательств истинности божественного вмешательства, потому что закон верховного божества был общеизвестен: лучшие женщины должны доставаться лучшим мужчинам. И шаман объявил поединок насмерть, победитель которого получает первую красавицу. Простой охотник сошелся в смертельном бою с лучшим воином окрестных племен, сыном вождя, и сразил его. Семейный союз был подтвержден, но вождь был одержим желанием отомстить за убитого сына и задумал убить молодого охотника. Возлюбленным пришлось бежать из племени, они покинули родные земли и перебрались в долину Су. Спустя несколько недель обезумевший от ярости вождь со своими воинами явился в долину и жестоко убил влюбленных. Молодой охотник погиб сразу, юную красавицу долго и жестоко пытали, предав мучительной смерти…

На лице Макса появилась болезненная гримаса, и он с трудом выдавил продолжение:

– Ей вспороли живот и вышвырнули наружу внутренности таким способом, чтобы она не умерла сразу. Потом распяли на двух перекрещенных жердях вниз головой напротив трупа молодого охотника, надрезали горло, чтобы не могла кричать, и заставили смотреть на тело возлюбленного до тех пор, пока жизнь не покинула ее. И тогда дух молодого охотника взъярился и не стал покидать этот мир. Он устроил снежный буран, не позволив убийцам покинуть долину, а потом жестоко убил вождя и всех его подручных, подвергнув их мучениям, которым они подвергли его возлюбленную. Легенда гласит, что когда, много позже, люди нашли ее распятое тело, на губах мертвой красавицы застыла счастливая улыбка… С того момента каждую зиму дух молодого охотника является в долину и мстит людям за трусость, жестокость и подлость. Его появление всегда

сопровождается обильным снегопадом и бураном, в завываниях которого сначала слышится тихий женский плач, а потом издевательский мужской смех. С тех пор долину Су прозвали долиной Оюнсу, что в переводе с древнего желтого языка означает «Чаша Печали». Всех своих жертв злой дух всегда убивает одинаково, по одному и тому же подобию…

– Перестань! – нервно оборвала его Марина, которую уже трясло от ужаса. Кое-как запрятанные в глубины сознания страхи вырвались наружу, и перед глазами стояли кровавые картины пережитой резни. – Зачем ты рассказываешь мне это?! Меня мучают кошмары, в каждой тени видятся мертвецы, при виде темноты я схожу с ума от ужаса! Хочешь уложить меня в психушку на всю жизнь?!

– Все можно исправить, – упрямо ответил Макс. – Мы сможем жить спокойно, способ есть!

– Так расскажи про него! – тихо истерила Марина. – А не запугивай меня жуткими байками!

– Я рассказываю! – неожиданно нервно произнес он. – Дослушай!

Взгляд Макса, направленный на нее, вновь стал странным, будто он опять сомневался, рассказывать ей секрет или нет, и это снова остановило Марину от того, чтобы покинуть кафе немедленно. В тот момент она ясно ощутила, что он может просто встать и уйти и она не узнает что-то очень важное, от чего может зависеть ее дальнейшая судьба. Позже, когда она пересказывала этот разговор отцу и его людям из силовых структур, все это виделось ей бредом сумасшедшего человека, но тогда разговор казался измученной кошмарами девушке едва ли не соломинкой для утопающего.

– На этом легенда заканчивается, – тон Макса вновь стал тихим и нездорово спокойным. – Старый шаман сказал, что это – легенда для всех, некогда она была хорошо известна в тех местах. Но у легенды есть вторая часть, которая предназначалась только для шаманов, и шаманы передавали ее тысячи лет от учителя к ученику и держали в тайне от простых людей. Слушай и не перебивай! Тайная часть гласит, что жестоко убитые влюбленные ни при чем, они никому не мстили и не мстят. Древнее Зло поселилось в той долине за три тысячи лет до их рождения, во время какой-то Великой Стужи. То есть, если по-нашему, тринадцать тысяч лет назад. По словам шамана, в те давние годы эти земли

населяли какие-то Белые Великаны, народ ростом выше, чем я с вытянутой вверх рукой, с волосами цвета полуденного солнца и глазами цвета полуденных небес, могучие, волшебные, летающие по воздуху и так далее. У них произошла война с какими-то «родичами, презревшими родную кровь», в результате чего полпланеты оказалось отравлено, стиснуто льдами и засыпано снегом. В той войне Древнее Зло было на стороне врагов Белых Великанов, и после победы последних укрылось от возмездия в долине Су. Белые Великаны знали об этом и искали его, поэтому в долине никто не селился три тысячи лет. Согласно легенде, на страже долины стоит некий воин необычайной волшебной силы, которому служит диковинная птица с крыльями дракона. Помогает он только людям с чистым сердцем, а обладателя черной души может убить запросто. И выглядит он всегда по-разному, чтобы враги не могли распознать опасность заранее. Древнее Зло, чтобы выжить, укрылось от него в долине и впало в спячку.

Три тысячи лет оно никак не проявляло себя, пока десять тысяч лет назад Белые Великаны не покинули те края. В это же время там, в долине, поселились молодые влюбленные, простой охотник и первая красавица племени. Белые Великаны, уходя, позволили им жить в долине, потому что юной паре ничего не угрожало. Незадолго до этого молодой охотник спас юную ведьму, дочь могучего Белого Колдуна, и за это ему было дарованы мощное оружие и защита. Охранный амулет Белых Великанов спас ему жизнь в поединке за свою любовь, когда нож лучшего воина всех племен не смог пробить тонкий деревянный оберег, защищавший его сердце. Оберег погиб вместо охотника, и влюбленные смогли быть вместе. Оружием же была та самая серебряная заколка, которую он вручил своей возлюбленной. Заколка для волос выполнена в виде кинжала, согласно легенде, величайший мастер Белых Великанов создал ее, а величайший шаман Белых Великанов зачаровал волшебством невероятной силы. И предназначено это оружие против Древнего Зла. Если носить его как заколку, то колдовство монстра бессильно, а если бить им как кинжалом, то можно сразить оживших мертвецов и самого монстра.

Макс сделал паузу и внимательно вгляделся Марине в глаза, словно изучая реакцию.

– Короче, Древнее Зло той молодой паре было не страшно, они могли бы жить в долине хоть всю жизнь. Их убили жестокие, но вполне обыкновенные люди. Именно жестокость убийц и пробудила монстра. Древнее Зло питается человеческими душами и упивается страданиями умирающих. Невыносимые

муки гибнущей красавицы вывели его из спячки, и он увидел, что Белые Великаны ушли из тех мест. Но оказалось, что их загадочный воин невероятной силы, тот, что ходит с птицей на драконьих крыльях, все еще где-то здесь, непонятно, где именно, но в саму долину он не заходит. Но стоит монстру самому выйти из долины, как воин тут же найдет его и убьет. Поэтому Древнее Зло не может покинуть долину, чтобы убивать всех подряд, и убивает только тех, кто сам приходит туда. Летом монстр спит, потому что плохо переносит высокие температуры, а зимой испускает какое-то свое черное колдовство, которым заманивает людей к себе, причем на значительном расстоянии. Жертвы добровольно являются в долину, и он убивает их изощренно и медленно, потому что ему важна не сама смерть, а непосредственно страдания умирающего, которые он испытывает в свои последние минуты. Чем страдания сильнее – тем монстр довольнее.

Макс замолчал, увидев приближающегося официанта со второй бутылочкой воды. Он опорожнил ее из горлышка еще быстрее, чем первую, и официант унес пустую емкость с видом человека, обслуживающего колхозника, оказавшегося на дипломатическом фуршете.

– В общем, Древнее Зло убивает людей в долине Оюнсу вот уже десять тысяч лет, и за это время были и другие спасшиеся, мы не первые. Шаман сказал, что выжившие – это редкость, но тем не менее спастись там можно. То оружие – волшебная заколка-кинжал – все еще существует. Те немногие выжившие спасались именно благодаря ей. Они убивали ею мертвецов и даже пытались убить самого монстра, поэтому он весь в шрамах и ранах. На протяжении тысячелетий окрестные шаманы берегут это оружие и следят, чтобы оно всегда находилось в долине Оюнсу. Если кто-то из жертв, оказавшихся там, находит этот кинжал и понимает, что им можно отбиться от монстра и его мертвецов, то остается жив и выбирается из долины без всяких последующих глюков. Тогда шаманы находят его, забирают заколку и возвращают ее в долину. У нее там даже есть какое-то специальное место, которое нужно найти. Шаман конечно же возвестил, что владеть заколкой может только человек с чистым сердцем, мол, грязной душе волшебное оружие помогать не станет, но я думаю, что все проще: мы элементарно не знали ни о чем и потому не нашли кинжал. Мы даже не думали его искать! Шаман рассказал мне, как по приметам найти место, куда они ее постоянно относят, – это совсем несложно. Понимаешь?! Мы можем навсегда избавиться от кошмаров!

– И ты в это поверил? – усмехнулась Марина, в глубине души уже уверенная, что это правда.

– Поверил, – подтвердил Макс. – После того, как тщедушный старикашка ушел! Потому что это была единственная ночь, когда у меня не было глюков! Единственный раз, когда в темноте не копошились мертвецы с кишками в руках! Тогда я понял, что мы можем вылечиться!

– Что для этого нужно? – Марина невольно подалась вперед. – Носить эту заколку в волосах? Держать в руках? Это навсегда? Что будет, если ее снять? Глюки вернутся?

– Вроде как достаточно сутки ее использовать, – Макс пожал плечами. – Так шаман сказал. Один полный оборот планеты вокруг своей оси, секунда в секунду. Женщина должна скрепить ею волосы, ибо для нее это заколка, мужчина держать в кулаке, как оружие, ибо для него это кинжал…

– Ты нашел ее? – перебила его Марина. – Где она?!

– Не нашел, – Макс недовольно скривился. – Я, как только все узнал, рванул в долину, потому что уже холода наступали и первый снег выпал. Но добраться туда не смог, машина на таежных дорогах убилась окончательно, пришлось возвращаться в город и ремонтировать. В ремонте сказали, что это недели на две, потому что очередь… Короче, когда я пришел за машиной, там меня ждали опера, которые за мной следили. Они поняли, что от меня толка нет, что я реально не виноват и сам ищу правду. Я им честно рассказал всю историю и даже позвал с собой в долину, за заколкой. Они конечно же решили, что я двинулся крышей. Смеяться не стали, лишь заявили, что подозрения с меня сняты, но отныне в долину мне нельзя, потому что это место преступления, и вход туда запрещен. И если я не хочу попасть в психушку, то должен про долину забыть, мне же лучше будет. С меня даже подписку об этом взяли. Я сделал вид, что согласился, и попытался попасть в долину тайком. Но оказалось, что следить за мной не перестали, и дважды меня останавливали на посту ГИБДД на загородной трассе. Гаишники вызывали полицию, и меня возвращали в город. Потом мне вдруг перестали сдавать машины в аренду. Я обращался в разные фирмы, но мне везде отказывали. Тогда я попытался добраться туда на попутках, несколько раз пробовал, но ничего не получилось. Прямо в то место никто не ехал, километров сто, не меньше, пришлось бы идти пешком, а в тайге уже снег лежал. Значит, в долине – тем более. Я не решился в одиночку и дал

объявление в интернете, типа, ищу попутчика на внедорожнике в туристический поход по тайге. Через полмесяца попутчик нашелся, но до долины мы не доехали. Нас где-то в лесу остановили военные на БТР и развернули обратно, сказали, что долина теперь снова включена в состав запретной зоны, поэтому мы возвращаемся либо по домам, либо в следственный изолятор.

– Что с заколкой?! – вновь оборвала его Марина. – Мне неинтересны подробности! Она существует или нет?!

– Существует, – обиженно буркнул Макс. – Я долго пытался уговорить оперов, которые за мной следили, чтобы они хотя бы помогли мне получить разрешение на проход в запретную зону. Был готов идти туда на лыжах, даже снаряжение подобрал, но тут мне позвонил опер. Я даже не ожидал от них такого. Он сказал, что я могу расслабиться, потому что ему удалось выяснить, что в июне, когда мощная следственная бригада обшаривала долину, эксперты нашли какой-то полупервобытный алтарь с каким-то серебряным ножом. Возникла версия, что это жертвенный нож, которым совершались убийства, но срочная экспертиза ничего не дала, и его увезли в Москву в качестве улики.

– Заколка все это время была здесь?! – невольно воскликнула Марина. – Что ты сразу не сказал?!! Заставляешь слушать всякую чушь! – Она схватилась за мобильный. – Я звоню отцу! Он достанет мне ее за час!

– Подожди. – Макс бросил на нее неприязненный взгляд, и его лицо приняло выражение человека, столкнувшегося с безвыходной ситуацией. – Не все так просто. Я, как все это узнал, вернулся в Москву и начал доставать всех, кого смог: разных знакомых, знакомых других знакомых, даже ФСБ-шников, которые вели мое дело. Просил хотя бы посмотреть на заколку, надеялся подержать ее в руках, может, хоть немного легче станет. Меня долго динамили, потом один ФСБ-шник по большому секрету сказал, что никакого серебряного ножа нет. То есть что-то подобное действительно нашли в долине во время поисков, но в Москву оно так и не попало. Никто не понимает, как это произошло. Вроде бы после экспресс-экспертизы, проведенной на месте, кинжал упаковали для отправки в Москву, но сюда он так и не приехал. Следователи считают, что его либо утеряли в дороге, либо кто-то украл ради продажи в частную коллекцию, потому что первичный анализ определил, что нож хоть и не несет на себе следы крови, зато возрастом тысяч в десять лет, если не больше.

– Его надо найти! – Марина спешно вывела на экран смартфона список избранных контактов и ткнула в отцовский номер. – Отец его найдет!

– Думаю, кинжал все еще там, в долине, – заявил Макс. – Это шаманы выкрали его и вернули на место. Старик говорил, что грязная душа владеть ею не сможет, такова воля древних могущественных шаманов Белых Великанов. Мы должны ехать туда…

– Хватит бредить, Макс! – нервно взвизгнула Марина, обращая на себя внимание окружающих, и торопливо понизила голос: – С меня хватит монстров, мертвецов и шаманов! Я хочу забыть обо всем и жить спокойно!

К их столику подошли несколько крепких мужчин, и она узнала свою охрану. Оказалось, телохранители, выполняя приказ отца, тайком следили за ней и никогда не оставляли ее одну. Макса сразу же вывели из кафе, и Марина немедленно отправилась к отцу. Для начала она рассказала ему только историю с легендой, не став упоминать слова Макса о том, что расследование не нашло никаких преступников. Отец, что неудивительно, ее рассказом особо не проникся, но ради душевного спокойствия единственной дочери пошел на уступки. Он велел кому-то из своих людей выяснить, что произошло с найденным в долине серебряным кинжалом, а ей велел больше с Максом не встречаться.

Глава вторая

Несколько недель шли поиски, и за это время Макс звонил ей несколько раз, постоянно требуя одно и то же: чтобы ее отец разрешил ему попасть в долину Оюнсу и забрать оттуда заколку. Поначалу Марина более-менее вежливо отнекивалась, мотивируя это тем, что заколку сейчас ищут и выводы делать еще рано. Но с каждым звонком Макс вел себя все настойчивей, потом начал откровенно шантажировать ее кошмарами, типа, ты что, не хочешь, чтобы все это закончилось?! В конце концов Марина добавила его в черный список. Макс начал звонить с других номеров, и она перестала брать трубку, если звонил кто-то незнакомый. Потом отец вызвал ее и рассказал о результатах поисков.

Какой-то серебряный кинжал действительно был найден и действительно до Москвы не доехал. Как выяснилось, никто из уполномоченных лиц даже не

вывозил его из долины, потому что каждый подумал, что это уже сделал его сослуживец. И никто не понимает, как это произошло. Скорее всего, упаковку с кинжалом перепутали с мусором и зарыли там же в одной из мусорных ям. Или же кто-то из опрошенных лжет, потому что похитил кинжал с целью продажи. С этим сейчас разбираются, но в любом случае толку от этого псевдомагического артефакта нет. Потому что это подделка. Фотографии кинжала и прочие сопутствующие документы, как оказалось, почему-то были помещены в одну упаковку вместе с самой заколкой, и, естественно, тоже пропали. Но все, кто имел с ней дело в долине, дали достаточно подробное описание: чистое серебро, очень точная работа, тонкий филигранный рунический орнамент со свастичными элементами, следы износа почти отсутствуют. Изготовить такое десять с лишним тысяч лет назад никто не мог, тогда не было и половины требующихся для этого технологий – это раз. Не говоря уже о том, что орнаментальное оформление изделия прямо свидетельствует о новоделе – это два. И никаких ископаемых человеческих скелетов ростом в два с половиной метра в тех краях археологами не найдено – это три. Итого: кто-то ушлый решил подзаработать на недалеких, но состоятельных коллекционерах. Но ради спокойствия дочери отец продолжит поиски, доследственная проверка по факту возможной кражи уже идет.

Спустя несколько дней до нее опять дозвонился Макс, и Марина рассказала ему о результатах. Он словно с цепи сорвался: требовал, чтобы его пустили в долину, утверждал, мол, уверен в том, что никакой кражи не было и кинжал все еще там, ничего не хотел слышать и через каждую фразу упрекал Марину в том, что она сама себе враг. Марина не выдержала и бросила трубку, пополнив черный список очередным номером.

Но через неделю Макс умудрился вновь до нее дозвониться, воспользовавшись доверчивостью кого-то из общих знакомых из числа ее факультетских однокашников. Смирнов заявил, что, раз она не желает помочь ни ему, ни самой себе, он отправляется в долину сам. Разрешения на посещение запретной зоны у него нет, поэтому он пойдет туда пешком, якобы для этого у него все подготовлено, так что он обязательно дойдет. И если успеет найти кинжал прежде, чем Древнее Зло доберется до него самого, то прикончит монстра и избавится от галлюцинаций. Но без воздействия волшебной заколки Марина будет страдать всю жизнь, поэтому, если она хочет избавиться от убивающих психику глюков, то пусть приезжает в долину сама или ищет Макса где-то в Хабаровске. Потому что сам он в Москву не вернется, ибо ее охрана в прошлый раз заявила, что если еще раз о нем услышит, то без лишнего шума закопает в каком-нибудь глухом подмосковном заповеднике. И он в это верит, потому что

сами по себе охранники такого бы никогда не сказали, это сто процентов был приказ ее отца. Пересылать заколку в Москву Смирнов не собирается, потому что шаманы требуют, чтобы кинжал всегда находился в долине. Так что, либо Марина едет в долину, либо мучается до самой смерти или сумасшествия, смотря что наступит раньше.

Это послужило последней каплей, и Марина окончательно вышла из себя. Она немедленно рассказала отцу обо всем, включая утверждения Смирнова о том, что следствие ничего и никого не нашло, и отец ей солгал. Отец воспылал праведным гневом и принял меры. Макса выловили и отправили на медицинское освидетельствование. Там выяснилось то, что было и так ясно: Смирнов сошел с ума, у него параноидальная шизофрения и прочий букет тяжелых повреждений психики, половина из которых имеет агрессивную форму. Макса заперли в психушке для социально опасных больных и с тех пор пытаются лечить, но до сих пор безрезультатно.

Для самой Марины вся эта история с его появлением имела долгие и очень болезненные последствия. На нервной почве галлюцинации усилились, ночные кошмары стали почти непрерывными, и она сама едва не угодила в психушку. Несколько месяцев Марина чуть ли не бредила той заколкой, и психиатры утверждали, что это нормально. Измученная психика пытается ухватиться за любой, даже самый абсурдный способ вылечиться, и именно это является хорошим показателем. Раз стремление избавиться от болезни не покинуло пациента, значит, он на пути к выздоровлению. И хотя саму заколку так и не нашли, со временем ударная терапия дала результат. Год Марина почти не выходила из дома, по полдня с ней работали врачи, и отец позаботился о том, чтобы университетские преподаватели и репетиторы обучали ее на дому. После той жуткой резни в универ она впервые вернулась только с началом выпускных экзаменов. Экзамены она сдала хорошо, очень даже неплохо защитила диплом и даже побывала на выпускном. Правда, только на официальной части, которая проходила в светлое время суток.

Из-за всей этой истории с лечением психики возникли проблемы с замужеством, идиотские слухи отпугивали от нее потенциальных женихов. Тогда отец предложил выход: пожить несколько лет за границей, в цивилизованной стране, заодно поработать по специальности и получить опыт, который в дальнейшем пригодится при управлении семейным бизнесом. За это время слухи забудутся, время сделает свое дело. Не исключено, что Марина заинтересуется кем-нибудь из детей отцовских заграничных партнеров, что тоже вариант, и, быть может,

даже более интересный. Марина согласилась сразу.

Сменить обстановку хотелось до нервного визга, и предложение было более чем кстати. В конце концов к тому времени почти от всех галлюцинаций удалось избавиться. Единственная проблема – боязнь темноты. Ее врачам победить так и не удалось. В темноте, полумраке и даже в любой достаточно темной тени в каком-нибудь углу Марине видятся мертвые сокурсники с обезображенными мучительной смертью лицами и собственными внутренностями в руках. Решить эту проблему удалось только одним способом: с тех пор Марина никогда не присутствует там, где темно. Она избегает ночных клубов, театров, кинотеатров, прочих мест с отсутствующим или приглушенным освещением, всегда возвращается домой засветло, чтобы не оказаться на улице в темное время суток, и спит только при включенном свете. Жизнь очень нервная, но зато жизнь.

Порешав сопутствующие вопросы, отец отправил ее в Швейцарию, и его влиятельные заграничные партнеры нашли ей место в женевской штаб-квартире ООН. Должность среднего уровня, не топ, но для начала очень даже недурно. Смена обстановки вкупе с качественными европейскими антидепрессантами себя оправдала. Марине стало легче. За пару лет она свыклась с образом жизни, исключающим темноту, и даже стала нормально есть, избавившись от смертельной худобы. Отец посчитал это хорошим знаком и начал подыскивать ей женихов из заграничной молодежи соответствующего статуса. Это все испортило. Пока общение не выходило за рамки общения, все было хорошо, и ее мелкие странности не отпугивали потенциального жениха. Но как только они съехались, чтобы пожить вместе, начался ад. Он то не понимал, что свет в присутствии Марины должен гореть всегда, особенно во время сна, то просто забывал об этом, и измученная психика быстро напомнила ей, что изуродованные ходячие мертвецы и их булькающие сипящие голоса никуда из ее жизни не делись.

Через неделю полуживая от ужасов Марина убежала от сожителя, и тот даже не перезвонил ей, потому что последние пару дней глядел на ее с неприкрытым опасением. Год Марина наотрез отказывалась от любых отцовских кандидатов, потом ей исполнилось двадцать четыре, и мысль о замужестве стала посещать ее все чаще. Она дважды пыталась завести отношения самостоятельно, выбирая партнеров против воли отца сугубо по собственным симпатиям. Но все закончилось так же, как в первый раз. Стоило только кому-то выключить свет, когда она уснет, или просто выключить его по привычке где угодно, а она вошла

и увидела темноту, ад мгновенно возвращался в ее жизнь.

Особенно жестоко галлюцинации вспороли ее несчастную психику однажды, когда бойфренд повез ее в Монтрё, смотреть знаменитый Шильонский замок. Все происходило ярким солнечным днем, и Марина опрометчиво решилась на экскурсию. Но оказалось, что внутри старинного замка освещение имеется не везде, и некоторые переходы и казематы погружены если не во мрак, то в полумрак уж точно. Этого оказалось достаточно для ураганной вспышки галлюцинаций. Из замка Марина выбегала с душераздирающими воплями. Будучи не в себе, она бежала куда глаза глядят и вместо выхода очутилась в каком-то еще более мрачном каземате. Оттуда ее выносили вшестером, предварительно связав по рукам и ногам, потому что Марина принимала сотрудников замка-музея за мертвецов, вцепляющихся в нее окровавленными пальцами, и пыталась царапаться и лягаться.

Попытки наладить личную жизнь окончательно умерли, зато с того момента в ее сознании все сильнее росла уверенность в том, что галлюцинации не закончатся никогда и ее несчастная психика будет подвергаться жестокой пытке всегда, едва где-то поблизости появится темнота. Полгода Марина восстанавливалась от душевных травм, выходя из квартиры только на работу и к психотерапевту. Потом ей на глаза попалось какое-то телешоу про экстрасенсов, медиумов и прочих борцов с нечистой силой. За последующие два года Марина чуть ли не профессионально вникла в суть вопроса и отсеяла до неприличия огромное количество шарлатанов и мошенников всех мастей и рангов. Наконец ей удалось познакомиться с женщиной-профессором из одного швейцарского НИИ, которая профессионально изучала паранормальные явления, и с женщиной-медиумом, профессионально зарабатывающей на услугах предоставления связи с миром мертвых. Причем обе женщины друг друга знали, и первая считала вторую шарлатанкой и мошенницей.

В процессе общения Марина так и не смогла гарантированно убедиться в том, что медиум обладает какими-то супермагическими способностями, но зато она точно являлась неплохим гипнотизером и довольно комфортным собеседником. В конечном итоге Аннета, так звали гипнотизершу, заменила Марине психотерапевта, потому что ее помощь была гораздо более заметна. Профессорша же оказалась ценна тем, что была единственным научным специалистом, кто не воспринял Маринину проблему как болезнь психики, а пытался изучать ее с научной точки зрения.

Миссис Гольдберг было сорок пять, в поисках паранормальных явлений она объездила половину земного шара и уверенно заявляла, что уже сталкивалась с похожими симптомами. Некие паранормальные события в Африке и Латинской Америке, связанные с археологическими раскопками древних алтарей давно забытых кровожадных культов, основывавшихся на человеческих жертвоприношениях, имели для своих участников схожие последствия. Галлюцинаций с мертвецами у них не было, но присутствовали тяжелые головные боли и не менее тяжелые расстройства психики, возникавшие у пострадавших в случае, если внешние условия окружающего их пространства оказывались схожими с теми, в которых происходили паранормальные явления при раскопках. Профессор Гольдберг смогла избавить несчастных от проблем при помощи сугубо научных методов. Она изучила особенности головного мозга пострадавших и особенности физических полей в соответствующих аномальных зонах и обнаружила некие магнитные поля, влияние которых изменило что-то там в коре головного мозга пострадавших людей. Профессор самостоятельно разработала приборы, генерирующие некое «контрполе», воздействие которого нивелировало негативные изменения в мозгу несчастных, и проблема исчезла навсегда.

Ознакомившись с проблемой Марины, профессор выразила уверенность, что ее можно решить аналогичным способом, если удастся вычислить параметры физических полей, оказавших враждебное воздействие на кору головного мозга. Для этого потребуется провести долгую и кропотливую работу, требующую изрядных финансовых издержек. В идеале желательно посетить саму аномальную зону, но пока не будут изготовлены необходимые приборы, этот шаг преждевременен, потому что проводить замеры непрофильным оборудованием контрпродуктивно.

Профессорские траты для Марины являлись копейками, перспектива же была более чем востребованной. Поэтому она сама предложила ученой даме финансировать ее исследования в данной области и последние полгода дважды в неделю ездила участвовать в экспериментах в соседний кантон, где располагалась лаборатория Гольдберг. Профессор прикрепляла к ней несколько десятков разнообразных датчиков, включала какую-то сложную аппаратуру и снимала обилие каких-то параметров, на основании которых проводились дальнейшие исследования. После таких экспериментов нервозное состояние Марины всегда возрастало, и профессор считала это доказательством успешно проложенного курса. Психика реагирует на излучения, значит, мы с каждым шагом приближаемся к определению точных параметров враждебных силовых полей. Чтобы сгладить нервные всплески, после лаборатории Гольдберг Марина

всегда приезжала к Аннете, которая использовала гипноз и комфортную беседу в качестве успокоительного. Это помогало, тем более что за прошедшее время ощущение того, что глюки у нее будут вечно, стало почти навязчивой идеей.

Сегодня был именно такой день – день лабораторных экспериментов. Марина заранее согласовала все свои офисные дела так, чтобы иметь возможность покинуть офис в полдень. Час уйдет на дорогу до лаборатории Гольдберг, два часа там, час обратно. К четырем пополудни Марина будет у Аннеты, в пять сядет в машину и спустя полчаса окажется дома. Сейчас конец октября, но в Женеве в это время еще светло. Она успеет вернуться в свои апартаменты до наступления темноты, а там всегда и везде горит освещение, которое имеет двойной осветительный контур, отдельный автономный генератор и мощные источники бесперебойного питания. Дом для нее – самое безопасное место, единственное, где можно не опасаться оказаться в темноте, что бы ни случилось.

Марина покинула штаб-квартиру ООН и, удовлетворенно вздохнув, неспешно пошла через прилегающий к зданию идеально содержащийся парк. Конец октября, солнечный день, плюс шестнадцать – Женева прекрасна! В отличие от убогой Москвы, вечно накрытой смогом, грязно-серой облачностью и вонищей автомобильных выхлопов. А еще там всегда холодно и грязно, что вообще отвратительно. Если бы в Женеве не существовало темного времени суток, Марина чувствовала бы себя здесь идеально! Тут даже парковки умеют делать небанально! Девушка добралась до ооновского паркинга, украшенного настоящими платанами, высаженными со швейцарской скрупулезностью, и уселась в свой кабриолет.

Первым делом она нажала на сенсор складывания крыши, после чего потянулась к лежащей на соседнем сиденье одежной сумке. Плюс пятнадцать – не самая лучшая погода для езды в кабриолете с открытым верхом, но специально для этих целей у Марины имеется короткое летнее пальто, эффектная дамская шляпка и длинный шелковый шарф. Шарф очень стильно развевается по ветру во время езды, это доставляет Марине эстетическое удовольствие. Но еще большее удовольствие ей доставляет залитая солнцем машина, внутри которой не остается ни малейшей тени. Противнее всего ездить, когда идет дождь. Под дождем крышу не сложишь, поэтому приходится включать в салоне свет и ехать так. Водители встречных авто удивляются, видя сидящую в освещенном салоне женщину в темных очках и шляпке, но в столице мира принято уважать личное пространство и индивидуальные потребности человека. Вопросов не возникает

даже у полиции.

Облачившись в шарф и шляпу, Марина выехала с ооновской территории и покатила по изящным женевским улочкам, любуясь эффектным видом на Монблан. Спустя несколько минут она достигла загородного шоссе, ведущего в нужный кантон, и прибавила скорость. Элитное авто на идеальной дороге держало сотню километров в час словно сорок, даже с открытым верхом ехать было исключительно комфортно, разве что шляпку приходилось носить с ремешком, чтобы не сдуло боковым ветром, если такой начнется на маленькой скорости. Но это неудобство вполне можно стерпеть. Особенно по сравнению с тем, что ей пришлось пережить.

Кабриолет лихо мчался среди аккуратных, кажущихся игрушечными швейцарских полей, среди которых попадались почти кукольные домики, и Марина машинально старалась не смотреть в их сторону. Раньше их сходство с дизайном кровавого отеля вызывало у нее нервный приступ, потом это удалось вылечить, и вид кукольной альпийской деревушки больше не выводил Марину из психического равновесия. Но привычка убирать взгляд осталась, и бороться с ней она не стала – хватает более насущных проблем. Звонок совмещенного с автомобильной аудиосистемой мобильного телефона вывел ее из раздумий, и она посмотрела на дисплей автомобильного компьютера. Звонил отец, с личного мобильника. Марина приняла вызов.

– Хай, Маришка! – в своей манере поздоровался отец. – С тобой все о'кей?

– Привет, пап. – Марина сделала звук погромче. – Я в порядке! Как мама?

– Передает тебе привет. – Отец прислушался. – Ты за рулем? Куда едешь?

– В НИИ к профессору Гольдберг, – объяснила девушка. – Сегодня очередной сеанс исследований.

– О'кей, – оценил отец. Он сделал едва заметную паузу и спросил: – Как чувствуешь себя сегодня?

– Неплохо, – вторичный вопрос удивил Марину. – У нас тепло, солнечный день, вокруг очень светлый и красивый пейзаж, у меня все хорошо. А почему ты спрашиваешь? Что-то случилось?

– Ничего страшного, – заверил ее отец. – Смирнов сбежал из психиатрической лечебницы. Произошло это еще вчера, но мне доложили только сегодня. Но бояться нечего, тебе ничто не угрожает. Для твоего спокойствия я договорился с властями, и возле твоего дома будет дежурить полицейский автомобиль. Он же будет негласно сопровождать тебя на работу и обратно. Это займет несколько дней, не больше. Силовики заверили меня, что Смирнова уже почти поймали, это вопрос ближайших суток, максимум двух.

– Думаешь, он может попытаться отомстить мне за то, что мы заперли его в психушке? – От волнения Марина резко сбросила скорость, и идущий позади дорогой спортивный автомобиль шарахнулся в сторону, обгоняя ее с недовольным сигналом клаксона.

– Исключено, – успокоил ее отец. – Он параноик и шизофреник, у него в голове другая навязчивая идея, и ничто другое его не интересует. Про тебя он даже не помнит.

– Ты уверен? – Марина ощутила, как внутри разрастается непонятный, но очень липкий страх.

– Абсолютно! – Этот тон отца она знала хорошо. Когда он так говорит, значит, действительно уверен в своей правоте на все сто. – Вчера он как-то усыпил бдительность санитаров, обманул охрану и сбежал из лечебницы. Поначалу его побег восприняли обыденно: куда денется псих в пижаме и без документов? К нему домой отправили санитаров и наряд полиции. Но Смирнов успел добраться до дома раньше них. Его мать сказала, что он переоделся и попросил денег. Она дала ему пять тысяч рублей, больше у нее не было, и он куда-то ушел, не сказав куда. Позже выяснилось, что она, естественно, соврала, но эти олухи ей поверили. Оказалось, что у Смирнова дома был спрятан заграничный паспорт и какая-то сумма денег. Кто-то в полиции запоздало догадался проверить аэропорты, и тут же выяснилось, что Смирнов по загранпаспорту приобрел авиабилет до Хабаровска. Полиция связалась с тамошними коллегами, но к тому времени самолет уже приземлился, и оперативники опоздали. На Смирнова была выпущена ориентировка, полиция начала пробивать фирмы, сдающие в аренду автомобили, и сразу же напала на его след. Он арендовал внедорожник. На все посты прислали соответствующие указания, и час назад его остановили на трассе, ведущей в ту запретную зону, куда он так рвался.

– Его не смогли поймать? – Страх внутри Марины становился все сильней, она ползла по первому ряду с черепашьей скоростью, даже не замечая этого.

– Он ухитрился сбежать, – объяснил отец. – Пока олухи на посту оформляли задержание, он под каким-то предлогом попросился достать рюкзак из машины, вроде для обыска, схватил его и убежал в лес. Полиция даже стреляла ему вслед, говорят, пули не пробили рюкзак. Лес был совсем рядом, и ему удалось скрыться. Но без машины он далеко не уйдет, я поднял на ноги нужных людей, и сейчас его ищут все силовики Хабаровска. Как только он вернется в город, его арестуют. Так что волноваться тебе не о чем. Я специально решил позвонить и лично все рассказать, чтобы до тебя не доходили исковерканные слухи, из-за которых ты можешь испытывать страх перед тем, что на самом деле является полной ерундой. Как только его поймают, я тебе сообщу. Ни о чем не переживай, ты в абсолютной безопасности.

– Спасибо, папа! – Марина приободрилась. – Поняла! Скажи маме, я позвоню ей вечером!

Отец попрощался и повесил трубку. С минуту Марина продолжала задумчиво ползти в первом ряду, глядя на дорогу невидящим взглядом. Страх внутри отступил, но не пропал полностью, а лишь сменил форму – теперь это была твердая уверенность. Паническая уверенность. Марина бросила взгляд в боковое зеркало, дождалась, когда позади не окажется машин, и резко развернула авто в противоположную сторону в нарушение всех правил. Она вдавила в пол педаль газа, и мощный кабриолет, взревев мотором, помчался обратно в Женеву.

– Мисс Мирошниченко? Счастлива вас слышать! – Профессор Гольдберг ответила на звонок сразу. – Мы готовы к сегодняшнему эксперименту, ждем вас с нетерпением! Отдельное спасибо от всей моей команды за ваш внеочередной транш на наши исследования, это, несомненно, ускорит достижение положительного результата! Как скоро вы подъедете?

– Я не подъеду. – Марина на большой скорости мчалась по шоссе, не обращая внимания на камеры видеофиксации. Это всего лишь штраф. Гроши. – Ситуация изменилась, профессор. Готовьте оборудование, мы едем в Россию, в долину Оюнсу. Вы говорили, что побывать непосредственно в точке проявления паранормального явления необходимо, не так ли?

– Несомненно! – немедленно ответила профессор, но в ее голосе тут же зазвучали печальные нотки: – Но, к сожалению, прямо сейчас преждевременно делать это. Специальное оборудование, которое мы изготавливаем индивидуально под вашу ситуацию, еще не готово. Мы только приступили к наладочным работам, это потребовало найма дорогостоящих специалистов…

– Через два часа, – безапелляционным тоном перебила ее Марина, – вы получите еще один транш, профессор. Вдвое больше предыдущего. У нас есть одна неделя. Прошу вас позаботиться о том, чтобы к этому времени научная часть нашей экспедиции была полностью подготовлена. Я займусь всем остальным. Другого шанса попасть в долину Оюнсу нам может не представиться никогда. Напоминаю, что это запретная зона, связанная с ядерными ракетами. Путинский режим охраняет такие территории с фанатичным упорством, моей семье стоило экстраординарных усилий добиться разрешения на проезд внутрь нее иностранцев! Надеюсь, вы понимаете всю серьезность ситуации?

– Разумеется! – В голосе профессора Гольдберг вспыхнуло воодушевление. – Это все меняет! Мы сделаем это, мисс Мирошниченко, без сомнений! Я немедленно начну приготовления!

Марина положила трубку и ухмыльнулась. Сочетание понятий «денежный транш», «ядерные ракеты» и «путинский режим» способно творить чудеса, если речь идет об аргументации чего угодно, главное, чтобы в прогрессивном цивилизованном мире! Профессор любит получать от нее финансирование, и Марина не сомневается, что по понятным причинам Гольдберг слегка затягивает процесс научной деятельности. Миром правит бизнес, и Марина все понимает, поэтому не против, но только при условии, что это «слегка» будет именно слегка, а не удлинится в нечто более долгое. На карту поставлено ее психическое равновесие и душевное благополучие, а это стоит дороже тысячи мелких профессоров. Поэтому, если потребуется, Марина поставит Гольдберг ультиматум не моргнув глазом. Профессор это прекрасно понимает, лишаться клиента и финансирования не в ее интересах. Она успеет подготовиться за неделю, в этом Марина уверена. Тем более что вся полевая команда профессора состоит из нее самой и ее молодого ассистента, с которым у Гольдберг тайный роман. Работа всех остальных сотрудников ограничивается лабораториями НИИ, и для их сверхурочной загрузки требуются всего лишь деньги, которые профессор сегодня получит.

Впереди показался поворот на Женеву, и Марина машинально сбросила скорость, не переставая лихорадочно думать. Макса не поймают. В этом она тоже уверена. Силовики будут искать его в Хабаровске, вот только он не стал возвращаться в город. Он пошел в долину пешком, это элементарно и не подлежит сомнению. Дорога ему известна, он там уже бывал неоднократно. Рюкзак у него с собой, значит, все необходимое у него имеется. Нет только транспорта, но он дойдет пешком, для психа-параноика это вообще не проблема. Тогда, пять лет назад, он сказал, что шел к нанайскому шаману вдвое медленнее, потому что тащил тяжелый груз. И прошел за день пятнадцать километров. Значит, сейчас он будет проходить за день тридцать. От Хабаровска до долины триста, итого десять дней пути. Если он начал вчера, то у Марины остается еще девять суток. Неделя на подготовку и двое суток на дорогу. Опаздывать нельзя ни в коем случае, иначе Смирнов может добраться туда раньше нее, забрать заколку и исчезнуть навсегда. И панический ужас перед темнотой вкупе с кошмарными галлюцинациями будет преследовать ее всю жизнь.

В том, что Макс отправился за кинжалом, не было никаких сомнений. Он еще тогда понял, что отцу Марины не найти заколку, и собрался добыть ее самостоятельно. Смирнов бы вообще бросился в долину сразу, но его останавливала зима. Страх быть выпотрошенным заживо еще до того, как кинжал удастся отыскать. Но даже это не смогло удерживать его долго, он все равно собрался в долину и обязательно бы туда попал. Если бы ее отец не упрятал его в психушку. Теперь же его план был ей предельно ясен. Макс сбежал не просто так, наверняка он все продумал заранее и ждал подходящего момента. Для похода в долину у него все было готово еще пять лет назад, оставалось лишь взять заграничный паспорт взамен изъятого медиками гражданского, захватить отложенные еще с того времени деньги и сесть в самолет. Сейчас конец октября, это в Женеве плюс шестнадцать, а на Дальнем Востоке давно стоят жуткие холода. Смирнов планировал успеть в долину до снегопадов, найти заколку и скрыться. Наверняка первый снег там уже выпал, а сильные снегопады начнутся со дня на день. Это должно было скрыть его следы или даже натравить монстра на силовиков, если их пошлют в долину арестовывать Смирнова.

Поэтому она должна успеть его опередить. Заколка все еще там, в долине, теперь Марина понимала это отчетливо. На это у нее имелись три основания. Во-первых, люди отца так и не нашли кинжал. Это означает только одно: кинжал не покидал долины, его никто не крал. В способностях российских силовиков найти кого надо, если у них не просто развязаны руки и выдана индульгенция, но еще

и заплачено больше, чем снилось, сомневаться не приходится. Десяток-другой ни в чем не повинных людей, оказавшихся не в то время не в том месте, пострадали бы в ходе расследования, но в итоге кинжал все равно бы нашли. Но этого не произошло. Во-вторых, отец действительно солгал ей тогда насчет результатов расследования, это она выяснила позже сама. А в-третьих, было еще одно основание: Макс был готов под пулями бежать от полиции, рискуя быть убитым, но все равно рвался в долину. И теперь Марина ярко ощущала эту его убежденность. Заколка-кинжал существует, она может избавить от страданий, и она там. В долине Оюнсу, вместе со спящим монстром. Нужно только успеть найти ее до первого сильного снегопада и забрать. Забрать первой!

Для этого ей потребуется помощь. Марина перевела кабриолет на автопилот и принялась копаться в адресной книге. Спустя минуту она набрала швейцарский номер и принялась ждать ответа. Трубку не брали довольно долго, и ей пришлось приложить серьезные усилия, чтобы обуздать всевозрастающую нервозность.

– Здравствуйте, мисс Мирошниченко, – по-русски произнес немолодой голос. – Удивлен вашим звонком, но очень рад вас слышать. Чем могу помочь?

– У меня к вам личная просьба, – произнесла Марина, пытаясь сохранять как можно более спокойные и уверенные интонации. – Надеюсь, не обременяю вас? Слышала, что в свете текущих политико-географических событий у Частных Военных Компаний сейчас очень насыщенный бизнес.

– Что вы, Марина! – Собеседник вежливо засмеялся, идеально изображая беззаботность маленького человека, далекого от битв сильных мира сего. – Мы всего лишь скромная ЧВК, тяжелым честным трудом зарабатывающая на жизнь охраной и сопровождением грузов! Нам далеко до противостояния гигантов!

– Рада слышать, что у вас все о'кей, – Марина перешла на более неформальный тон, подыгрывая собеседнику. – Приятно узнать, что у хороших людей все хорошо.

Человек по ту сторону телефонной трубки являлся одним из воротил подпольного наемнического бизнеса. Так случилось, что это был первый деловой контакт, приобретенный Мариной на посту сотрудника ООН самостоятельно, без

помощи отца или его заграничных партнеров. Два года назад отдел, в котором она работает, проверял жалобу, поступившую от представителей миссии ООН в одной из неблагополучных стран третьего мира. Страну давно разрывала на части гражданская война, разобраться в перипетиях которой было крайне непросто. В борьбе за власть, природные ресурсы и наркотрафик тесно переплелись интересы множества группировок: правительства, повстанцев, спецслужб соседних государств, спецслужб совсем не соседних государств и сразу нескольких мощнейших транснациональных корпораций, имевших концессии на разработку выгодных месторождений, полученные от разных правительств, коих за последние годы в несчастной стране сменилось несколько. Одна из таких корпораций негласно использовала профессиональных наемников, которые иногда выдавали себя за охрану тамошней миссии ООН.

В ходе той проверки Марине поручили отработать какие-то рутинные документы, неожиданно оказавшиеся решающими. У «скромной ЧВК», имеющей тайные филиалы чуть ли не во всех странах мира, славящихся обилием желающих повоевать за деньги, могли возникнуть серьезные проблемы. В какой-то момент Марина поехала на рядовую деловую встречу, но вместо ожидаемого партнера в его кресле оказался этот немолодой собеседник. Он прямо предложил Марине «повлиять» на результаты проверки определенным образом. Собеседник сказал, что прекрасно осведомлен, из какой она семьи, и отдает себе отчет в том, что вряд ли ее заинтересуют всего лишь деньги. Поэтому он делает ставку именно на ее врожденную деловую хватку и взамен предлагает ей свою помощь по любому профильному вопросу. В том числе в таких сферах, где профильные вопросы решаются инкогнито. Тем более что, насколько ему известно, несколько лет назад у нее были некие проблемы криминального характера, решить которые полностью не удалось.

Именно это заявление повлияло на ее решение. В первую минуту Марина с трудом сдерживала возмущение и желание немедленно прервать разговор, покинуть офис и прямиком направиться в ОНН, к своему шефу, куда по дороге вызвать представителей Интерпола. Но слова собеседника насторожили ее, и она поступила иначе. Марина согласилась, поставив собеседнику условие: в обмен на нужный вывод в подготавливаемом ею документе она получает всю информацию по интересующему ее уголовному делу в России.

Копии уголовного дела ей доставили на дом через неделю. Посыльный принес пиццу, ее обычный заказ, и внутри коробки обнаружилась флешка с исчерпывающей информацией. Марина изучала ее несколько дней, но в целом

это ничего не дало. Макс не лгал, следствие закончилось ничем. Той зимой в долине действительно бесследно пропали две официальные следственные бригады и несколько частных. Летом туда направили, без преувеличения, целую армию, но она не нашла никаких следов вообще. Единственной находкой был тот самый полудикий алтарь с заколкой для волос в виде кинжала, но экспертиза показала, что она не имеет отношения к убийствам. Которые, кстати, в материалах дела назывались «предположительно убийствами», так как никаких доказательств убийств не имелось, а показания самой Марины и Макса считались сомнительными ввиду крайне нестабильного психического состояния свидетелей, наличию в крови у Марины наркотиков и так далее. Заколка, кстати, по материалам дела считается утерянной.

Несколько позже Марине позвонил данный собеседник. Он поблагодарил девушку за соблюдение взаимных обязательств и сказал, что выполнить ее просьбу труда не составило, поэтому он все еще считает себя в долгу перед ней, и его предложение остается в силе. На этом их контакты закончились, и до сего момента Марина о нем не вспоминала. Все равно помочь ей он был не в силах: если убийц не нашли люди ее отца, то его люди не смогут этого тем более. Она даже не стала рассказывать об этом отцу, чтобы не портить отношения. Ясно же, что он солгал во благо, старался оградить ее от лишних фобий. Тем более что мама полностью его поддержала, значит, это решение принималось ими сообща. Даже наверняка это именно она придумала успокоить ее таким способом. Но сейчас помощь собеседника была бы как никогда своевременна.

– Вы, как всегда, очень добры, – очень доброжелательно отреагировал собеседник. – Я к вашим услугам. Желаете обговорить детали тет-а-тет?

– Если вы сочтете нужным, – ответила Марина. – Объясню коротко: хочу посетить ту таежную долину, где шесть лет назад со мной случилась беда. Я и мои партнеры, ученые из одного швейцарского НИИ, хотим организовать туда научную экспедицию с целью изучения местности на предмет паранормальных явлений. Но место это глухое, затерянное в тайге вдали от цивилизации, я опасаюсь за нашу безопасность. Кроме того, до меня дошли слухи, что долину опять включили в состав запретной зоны, а я бы не хотела афишировать свое участие в экспедиции, добиваясь разрешения на посещение закрытой зоны от своего имени. И у меня нет желания трястись триста километров по лесным ухабам на машине. Я могу оплатить аренду вертолета из бюджета экспедиции, если для вас это проблема.

– Что вы, Марина, мне будет приятно оказать вам услугу! – беззаботно воскликнул собеседник. – Тем более когда дело касается науки! Наш бизнес редко пересекается с научными изысканиями, нам будет лестно содействовать прогрессу. Фирма с удовольствием поработает с представителями научного сообщества. Пришлите мне подробное описание ваших требований, я все организую.

– У меня неделя на подготовку, – уточнила Марина. – Если я опоздаю, меня опередят конкуренты. Они у меня есть.

– Уверен, что мы успеем обойти любых конкурентов, – успокоил ее собеседник.

– На какой адрес высылать подробности? У меня нет иных ваших контактов, кроме этого номера.

– Очаровательная Марина, ни о чем не волнуйтесь! – по-дружески заявил он. – Езжайте домой, закажите ужин с шампанским, отдохните от напряженной работы и забудьте обо всех этих мелочах! Я свяжусь с вами, как только все приготовления будут окончены. Рад был вас услышать!

Собеседник положил трубку, и Марина облегченно вздохнула. Все неожиданно оказалось проще, чем она думала. Это облегчает ей задачу, потому что отец ни за что бы не позволил ей мчаться на место резни наперегонки со Смирновым ради какой-то заколки, которую все официальные специалисты сначала посчитали поделкой шарлатанов, а после и вовсе потеряли. Пришлось бы потратить массу нервов, чтобы решить эту проблему. А так ей нужно всего лишь заказать вечером пиццу. Марина вновь вызвала адресную книгу и коснулась нужной записи.

– Алло, Марина, дорогая! – Аннета взяла трубку сразу. – Ты разве не в лаборатории у Гольдберг?

– На сегодня эксперименты отменяются, – ответила Марина.

– В чем дело? – довольно затараторила Аннета. – Она достала тебя своим снобизмом?

– Никогда не замечала за ней такого. – Марина невольно улыбнулась. Неприязнь Аннеты к Гольдберг произрастала еще с тех пор, как лет восемь назад профессор выпустила разгромную статью, обличавшую нескольких медиумов-экстрасенсов в шарлатанстве. Аннете тогда тоже досталось. – Профессор в общении со мной ведет себя уважительно и корректно.

– Давай вернемся к этому разговору после того, как ты перестанешь оплачивать ее эксперименты! – с театральной скромностью вкрадчиво произнесла Аннета.

– Давай. Мы будем учитывать, что твои услуги я тоже оплачиваю, или оставим это за кадром? – поддела ее Марина.

– Но моя скромная работа по крайней мере тебе помогает. – Аннета была сама преданность. – Иначе бы ты не ходила на мои сеансы. А что конкретного сделало для тебя это престарелое чванливое научное светило?

– Через десять дней мы сможем выяснить это совершенно определенно, – ответила Марина.

– Через десять дней? – переспросила Аннета. – Что-то случилось? Она все-таки построила этот свой генератор паранормального поля?

– Ты же экстрасенс, – вновь поддела ее Марина. – Разве ты не видишь сама? Спроси у духов!

– Для этого нужно провести спиритический сеанс! – В свои тридцать два Аннета была опытным медиумом на рынке экстрасенсорных услуг и потому не замялась ни на секунду. – Приезжай ко мне раньше, дорогая, и мы сделаем это!

– Сегодня не сделаем, – голос Марины стал суровым. – Мне нужно подготовить нашу экспедицию. Собирайся, Аннета, через неделю мы вылетаем в Россию, в долину Оюнсу. Вместе с Гольдберг и ее генератором. Я хочу раз и навсегда со всем покончить, и сделать это можно только на месте событий. Мне нужна твоя помощь, поэтому ты едешь с нами. Сообщи, сколько денег понадобится тебе на подготовку, я выпишу чек.

Глава третья

Глухой рокот вертолетных винтов не то чтобы раздражал, но позитива не приносил, и Марина увеличила громкость встроенного в смартфон плеера. Музыка в наушниках заиграла громче, забивая шум винтов, но ощущение вибрации осталось, не столько реальное, сколько нервное. Полет длится больше часа, время раннее, и все ее спутники спят. Но ей самой не до сна, чем ближе это жуткое место, тем выше охватившая ее нервозность. Марина бросила взгляд в иллюминатор. За бортом от горизонта до горизонта распростерлись покрытые густой тайгой сопки, словно бескрайнее лесное море вдруг пошло волнами и столь же внезапно застыло в волнообразном состоянии. Первый снег уже выпал, украшая застывшие таежные волны белой пеной, и с высоты полета все это выглядело эффектно. Марина поморщилась. Зато изнутри все это выглядит так, как есть на самом деле: дремучая непроходимая лесная глушь за три сотни километров от цивилизации. Правильнее будет сказать, от ближайшей цивилизации, потому что дальневосточное захолустье на звание полноправной цивилизации не тянет от слова «абсолютно», особенно после Европы. Не говоря о том, что после той резни Марина ненавидит дикий лес, снег и все, что с ним связано. Одно только упоминание о зимнем отдыхе вызывает у нее тяжелые воспоминания.

Мраморной горы пока еще видно не было, девушка отвернулась от иллюминатора и оглядела заполненный пассажирский салон винтокрылой машины. Профессор Гольдберг спала, положив голову на плечо сидящему рядом ассистенту. В Женеве сорокапятилетняя профессор не афишировала любовную связь с двадцативосьмилетним помощником, тщательно следя за строгостью и безукоризненностью поведения, и столь прозрачного проявления близости Марина от нее не ожидала. Любовная связь Гольдберг с ассистентом стала заметна Марине не сразу, но, похоже, вдали от цивилизации профессор не тратила силы на поддержание имиджа, оценить который некому, и во сне данная привычка взяла свое. Что вызвало у Аннеты приступ молчаливого злорадства. Сама медиум долго щелкала фотокамерой смартфона, запечатлевая спящую друг на друге парочку ученых, потом снимала бескрайнюю тайгу, над которой оказалась впервые, а до того столь же долго делала разнообразные селфи в салоне вертолета, в каковом тоже, как выяснилось, оказалась впервые.

Все это едва не закончилось конфликтом после того, как Аннета начала селфить на фоне охранников. Охранники резкими движениями отворачивались или закрывали лица, не скрывая недовольства, и их лидер на плохом английском

потребовал от нее прекратить снимать людей. Аннету его требование возмутило, и Марине пришлось вмешаться, чтобы не возникло конфликта. Она заявила возмущающейся попранием демократических свобод Аннете, что контрактом особо оговорен запрет на фото-, видео- и прочую фиксацию внешности телохранителей, и вообще, ей следует быть осторожней в России с демократическими требованиями. В такой глуши могут и не понять. Возможны проблемы. Это объяснение сильно озадачило медиума, и Аннета умолкла. Некоторое время она молча украдкой разглядывала охрану, потом задремала, и это было очень кстати. Потому что обижать ее Марине не хотелось, но слушать обычную для Аннеты болтовню сейчас настроения не было. Чем ближе к долине, тем сильнее хотелось молчать, забиться куда-нибудь в угол и быть как можно меньше заметной. Не устраивать же сеанс успокаивающего гипноза на глазах у охраны. Телохранители относятся к ней подчеркнуто уважительно, и давать им пищу для странных размышлений она не хотела.

С организацией поездки проблем не возникло. Более того, в исполнении воротил наемнического бизнеса это выглядело настолько легко и просто, что сомневаться в их тесных связях со спецслужбами не приходилось. В Москве немногочисленную экспедицию Марины, состоящую из пяти человек: профессора с ассистентом, медиума и самой Марины со специально нанятой помощницей, встретили прямо в аэропорту. Она даже испугалась в первую секунду, подумала, что отец узнал о поездке и прислал людей, чтобы ее остановить. Но это оказалась ее охрана. Пятеро крепких суровых мужчин присоединились к ней немедленно, взяв на себя роль телохранителей, носильщиков и посредников в общении с окружающими. Еще столько же ожидали экспедицию в аэропорту Хабаровска вместе с транспортом для передвижения по городу. Ночь пришлось провести в отеле, реальная «пятизвездочность» которого навела на Марину тоску, зато в восемь утра они уже поднимались на борт несколько обшарпанного вертолета. Начальник охраны заверил ее, что вертолет почти новый и в отличном состоянии, пилоты опытные и проблем не будет, веско аргументировав это тем, что сам бы не полез в подозрительную машину.

Его слова придали Марине уверенности. В конце концов, наемники знают, что делают. До сих пор ей ни разу не пришлось что-либо делать самой или от своего имени. Официально экспедицией руководит профессор Гольдберг, все бумаги наемники оформили на нее, Марина числится в команде ученой дамы в качестве переводчика. Она даже не разговаривает с местными и прочими, все делает начальник охраны, а это именно то, что нужно. Они сами нашли вертолет, сами порешали с пропусками в запретную зону, сами получили разрешение на полет. В ответ на ее вопрос начальник охраны коротко сообщил, что его начальство

подготовило все заранее и ей не о чем беспокоиться.

– У меня серьезные профи с боевым опытом, – негромко объяснил он. – Они не отойдут от вас ни на шаг. Мы специально набрали в команду пятерку местных, это проверенные люди, они хорошо знают работу в тайге. Если ваш конкурент там появится, мы выловим его раньше, чем он успеет понять, что это было. В случае чего вы официально ни при чем. Находились в палатке, ничего не знали, ничего не видели, а мы вам ни о чем не сообщили. Если хотите, можем реально так сделать, чтобы вы могли пройти проверку на полиграфе, если что.

– Пока это излишне, но буду иметь в виду и сообщу, если ситуация изменится, – Марина подумала, что Макс, если найдет заколку первым, вряд ли захочет отдать ее ей добровольно. Особенно после пяти лет, проведенных в психушке.

Начальник охраны кивнул и других вопросов не задавал. Сам он сидел в пилотской кабине на приставном месте между пилотских кресел и был единственным, кроме самих пилотов, кто сейчас не спал. На вид ему было лет сорок, представился он Федором Николаевичем, но сразу сообщил, что для ускорения взаимодействия и поддержания конспирации его команда обращается друг к другу согласно позывным. Его позывной «Сармат», и Марина может обращаться к нему так же. Наемники действительно не называли друг друга по имени, она специально обратила на это внимание. В их области Марина специалистом не являлась, но со стороны они выглядели и действовали очень профессионально, и это успокаивало. Вряд ли они смогут остановить монстра или его ходячих мертвецов, но в остальном ее безопасность не вызывает сомнений, а попадать в руки монстра Марина не собирается. Через полчаса она будет в долине, за день, в крайнем случае, за два, она найдет заколку и самое позднее послезавтра снова окажется в Женеве. В этой дремучей глуши она и лишней минуты не проведет. Как только заколка будет в ее руках, Марина тут же позвонит отцу, и тот пришлет за ней свой «Гольфстрим».

Она вновь покосилась в иллюминатор. Небо чистое, облаков почти нет. Сейчас начало ноября, первый снег выпал несколько дней назад, но охрана заявила, что его совсем мало, а в ближайшую неделю снегопадов не ожидается. Потому что для ноября сейчас на удивление тепло, в самом Хабаровске вообще плюсовая температура. За городом, конечно, холоднее, но прогноз погоды исключает любые осадки в интересующем клиента районе. Это очень хорошо. Значит, проблем не будет. Она быстро найдет заколку, за ней быстро прилетит отцовский самолет, и ее мучения наконец-то быстро закончатся. Единственная

проблема – это Смирнов, но она не позволит ему опередить себя. Согласно ее расчетам, Макс доберется до долины завтра, если с ним ничего не случится в дороге. Желательно, чтобы случилось, но даже если он двигается быстрее, то Марина все равно опережает его минимум на полдня. Сармат заверил ее, что его людям хватит времени, чтобы подготовить для Смирнова ловушку.

Марина невольно вгляделась в плывущий внизу океан тайги. С такой высоты, да еще в такой чаще она вряд ли заметит Макса, но мало ли. Несколько минут она всматривалась в тайгу, но не увидела ничего похожего на человеческую фигуру. Наверное, они двигаются к долине разными курсами. Макс идет сюда вдоль лесной дороги, потому что знает только этот путь, так сказал Сармат. А дорога не прямая и вообще проходит мимо долины, там же поворот был, это Марине запомнилось хорошо, потому что тогда хорошая дорога начиналась именно от поворота. Сейчас внизу никакой дороги не видно, значит, вертолет летит напрямик. Она задумалась, может ли Макс увидеть или услышать ее вертолет, и если да, то поймет он, что это она летит за заколкой, или нет. Наверняка поймет, он же параноик, а человеку с манией преследования подобный вывод должен прийти в голову в первую очередь. Боковое зрение уловило рядом какое-то движение, и Марина испуганно обернулась, невольно вжимаясь в кресло. По салону шел Сармат и будил своих людей.

– Что случилось? – Марина сняла наушники. – Вы увидели кого-то внизу?

– Внизу чисто, – ответил тот. – Мы приближаемся, скоро посадка.

– Посадка? – Марина вновь посмотрела в иллюминатор. – Но я не вижу мраморной горы.

– Она прямо по курсу, – объяснил Сармат. – В целях безопасности перед приземлением мы сделаем круг над долиной, чтобы осмотреть местность с воздуха. Вам будет хорошо видно.

Вскоре вертолет снизился и заложил в воздухе вираж. Долина действительно была как на ладони, и с борта вертолета хорошо ощущалось, насколько небольшими размерами она обладала. Сверху все казалось совсем крохотным, и даже сама мраморная гора не выглядела сколь-нибудь серьезной вершиной. Обычное заброшенное месторождение мрамора, но так как это сопка, то смотрится несколько непривычно, но не более того. Без снежного покрова она

вообще не выглядит чем-то впечатляющим. Грязные мраморные террасы, большая часть которых засыпана землей и мелким грунтом, осыпи которого ближе к подножию сопки переходят в бесформенные отвалы битого камня. Ничего страшного или величественного, самое банальное старье и запустение. Несколько насквозь прогнивших остовов, некогда бывших какими-то деревянными хибарами, виднеющихся в маленькой долине, еще больше усиливали ощущение разрухи, заброшенности и давнишнего безлюдья. Никаких следов отеля не имелось, и Марина почувствовала, как внутри сознания шевельнулся страх.

– Все происходило именно здесь? – Профессор Гольдберг, изучающая долину внимательным взглядом, повысила голос. – Ничего похожего на альпийский отель не видно.

– Коттеджи стояли прямо на местах этих развалин. – Марину передернуло приступом нервной дрожи, но в целом держать себя в руках оказалось легче, чем она ожидала. – Пока нас… пока мы находились под контролем монстра, отель был. Роскошные номера с джакузи и фонтанчиками из шампанского, мебель и электроника от лучших мировых брендов. Я провела в нем три дня. Позже… – она запнулась, – после того, как мы спаслись… мне показали отель со стороны, и я увидела это…

Марина сделала неопределенный жест в сторону прогнивших развалин и указала на относительно расчищенное пепелище, виднеющееся на отшибе от всего остального:

– Вон там был сарай, где мы сожгли монстра! После этого отель перестал быть отелем!

– Мы должны произвести замеры на каждом объекте, – заявила Гольдберг и обернулась к своему ассистенту: – Ибрагим, составьте план местности и пронумеруйте объекты!

Ассистент немедленно принялся щелкать камерой, следуя указаниям профессора, увлеченно разбивающей долину на секторы. Марина вспомнила все, что читала в материалах дела о найденном в долине алтаре с кинжалом-заколкой, и попыталась определить, где именно он находится. Это где-то неподалеку от сгоревшего сарая, или зимовья, как его там правильно, неважно…

Но особого опыта в работе с картами у нее не было, а тут еще вертолет начал заходить на посадку, из-за чего вид на пепелище постоянно смещался. Понять, где конкретно был расположен алтарь, Марина не смогла. Неважно. В ее смартфоне есть копия основных материалов расследования, она покажет нужный документ Сармату, и наемники разберутся, где искать заколку.

– Значит, все произошло именно здесь… – задумчиво изрекла Аннета, и Марина обернулась.

Медиум была в образе: сидела с закрытыми глазами, сложив руки в замысловатую позу и сжимая в ладонях хрустальный шар для спиритических сеансов.

– Я чувствую присутствие потусторонних сил… – медленным голосом заправского экстрасенса продолжила она. – Вижу деревянный дом, охваченный пламенем… сильное женское начало, сокрушающее монстра… чудовище не в силах противостоять уверенной в себе девушке…

– Вижу, вы неплохо запомнили рассказ мисс Мирошниченко, уважаемый медиум! – язвительно произнесла профессор Гольдберг, обмениваясь насмешливыми взглядами с ассистентом. – У вас хорошая память! Жаль, что она гораздо лучше ваших актерских способностей, это несколько размывает целостность образа!

– Уверена, вы сделаете одолжение всем присутствующим, профессор, – Аннета открыла глаза, – если будете делать свою работу, не мешая при этом остальным делать свою! Некоторые люди на полном серьезе считают, что являются экспертами абсолютно во всем, даже там, где их природные способности равны нулю!

– В самую точку, мисс экстрасенс! – закивала Гольдберг. – Насчет экспертов с нулевыми способностями я с вами всецело соглашусь! Постоянно пишу разгромные статьи на эту тематику!

Аннетта возмущенно вдохнула, собираясь высказать что-то в ответ, и Марине пришлось вмешаться. Терпеть их перепалку она не намерена, ей и без этого предельно нервозно.

– Надеюсь, все здесь помнят, что цель нашей экспедиции не конфликт между ее участниками! – заявила она, не скрывая возмущения. – Я хочу избавиться от страданий и рассчитываю на вашу помощь и командную работу! Моя жизнь наполнена непрекращающимся кошмаром, и вы здесь, чтобы изменить это, а не препираться между собой! Я настоятельно прошу вас, профессор, проверять своими приборами любое место в этой долине, на которое укажет Аннета! А от вас, Аннета, я ожидаю, что вы используете свои способности медиума в любой точке, которая покажется профессору важным в ее работе!

Обе женщины обменялись неприязненными взглядами, после чего молча признали ее правоту, и зарождающийся конфликт был исчерпан. Спустя пару минут вертолет приземлился, и большая часть наемников покинула борт. Внутри остался только Сармат с одним из своих людей и пилоты, которые не стали покидать кабину. Начальник охраны заявил, что некоторое время всем придется провести на своих сиденьях и запретил пилотам глушить двигатели до окончания мероприятий по проверке безопасности. Вращающиеся винты подняли вокруг вертолета целое море снежной пыли, смотреть в иллюминаторы было бесполезно, и Марина принялась искать в смартфоне документ с описанием местонахождения полудикого алтаря. Ожидание длилось минут пятнадцать, потом кто-то из охранников связался с Сарматом по рации, и тот объявил окружающую местность безопасной. Пилоты выключили двигатели, и донельзя доставший Марину вибрирующий рокот наконец-то прекратился.

На улице оказалось холоднее, чем в Хабаровске, градусов пять мороза, но в целом было гораздо теплее, чем холода, к которым готовилась Марина. Она надела легкие кожаные перчатки, решив пока не доставать толстых рукавиц, застегнула молнию на теплой туристической куртке лишь на две трети и осмотрелась. Снизу долина маленькой не казалась. Незанятая лесом местность была довольно обширна, не говоря о расстилавшейся сразу за ней бесконечной тайге. Совсем не маленький хвойно-лиственный лес уходил во все стороны, захлестывая стиснувшие долину сопки, и мрачный вид лишившихся листвы кустов и деревьев только усугублял ощущение непролазности и полнейшей непроходимости. Мраморная гора, лишенная растительности, отчетливо виднелась с любой точки долины, но, засыпанная грязью, битым щебнем и жиденьким снежным покровом, имела с ацтекской пирамидой мало общего. В целом долина ничем не напоминала ей место ужасающей резни шестилетней давности. Даже прогнившие остовы хибар выглядели значительно меньше и вызывали ощущение брезгливости, а не страха. Сгоревшего сарая отсюда видно не было, солнце светило ярко, облаков почти не имелось, и Марина почувствовала себя значительно легче.

Она проводила взглядом пару охранников, вытаскивающих из вертолета очередную походную сумку, и отыскала Сармата. Тот руководил развертыванием лагеря в трех десятках метров от замершего на покрытой мелким снегом площадке вертолета. Большая часть его наемников уже была в тактическом снаряжении и с оружием, похоже, самым что ни на есть боевым, остальные разбивали большую палатку. Двое охранников стояли немного в стороне и изучали окружающий лес при помощи какого-то электронного девайса. Марина велела помощнице заниматься багажом и направилась к Сармату.

– Что они делают? – Марина подошла к начальнику охраны. – Те два человека с электроникой?

– Используют тепловизор, – объяснил Сармат. – Этот прибор позволяет обнаружить тепловой силуэт человека в лесу на дистанции в два километра. Для наших целей вполне достаточно. Как только ваш конкурент появится, мы об этом узнаем. Сейчас мои люди установят вашу палатку и биотуалет, потом разобьют остальной лагерь. Тут нет ничего сложного, местность расчистили и подготовили до нас. Видно, что раньше здесь стояло лагерем крупное подразделение, минимум батальон, может, больше. Через два часа база будет полностью готова, и ваша экспедиция сможет приступить к работе. Вертолет будет оставаться с нами все это время, мое начальство считает, что так надежнее, и я с ним полностью согласен.

– Я хочу, чтобы вы отвели меня в это место! – Марина протянула ему смартфон с выведенным на экран документом. – Если я найду там то, что нужно, то все эти приготовления не понадобятся!

Сармат с минуту изучал данные, потом достал из кармана небольшой планшетный компьютер и начал сверяться с его содержимым. Марина присмотрелась к фотоснимкам, которые он разглядывал.

– У вас есть карта долины? – удивилась она, узнавая вид с воздуха на мраморную гору.

– Только что отсняли, пока делали облет. – Сармат коснулся пальцем некоей точки в районе пепелища сгоревшего зимовья. – Похоже, это здесь. Где-то в «зеленке». Карта получилась приблизительная, но долина маленькая, найдем быстро.

– Я иду с вами, – немедленно заявила Марина. – Я должна попасть туда первой, это очень важно!

– О'кей, – Сармат не стал спорить.

Он отдал в эфир короткий приказ, и к нему присоединились шестеро вооруженных автоматами наемников. Сармат объяснил им, что надо найти, оставил четверых рядом с Мариной, остальных отправил вперед.

– Они локализуют объект и проверят прилегающую местность, – сообщил начальник охраны. – К самому объекту без вас никто подходить не будет. Вы уверены, что объект безопасен? Там нет мин или самодельных ловушек, например волчьих ям?

– Уверена, – ответила Марина. – Это алтарь, он предназначен для того, чтобы к нему приходили люди. Ловушек там быть не может. Мой конкурент, о котором говорится в контракте, стремится попасть именно туда, но он бывший сноубордист, а не военный. Вряд ли он станет делать там ловушки. Сомневаюсь, что он вообще умеет делать это. Тем более что последние пять лет он провел в психиатрической лечебнице. Теоретически мы должны были попасть в долину раньше него.

– Согласен, – кивнул Сармат. – Я делал расчет. Мы опережаем его минимум на десять часов. Но, думаю, на самом деле он появится здесь гораздо позже. Потому что не сможет идти так быстро. За пять лет клиники любой чемпион растеряет спортивную форму очень быстро. Но меры предосторожности мы примем в любом случае. Здесь могут находится посторонние. Браконьеры, охотники, нелегальные туристы, развлекающиеся проникновением в запретные зоны. Прошу вас держаться рядом со мной и за пределами лагеря никуда не отходить одной.

– О'кей, – согласилась Марина. – Когда мы сможем попасть к алтарю?

– Прямо сейчас. – Сармат посмотрел на своих людей: – Мы готовы!

Наемники взяли Марину в кольцо, один из них прибавил шаг и оказался впереди остальной команды метрах в десяти.

– Марина? – со стороны вертолета к ним торопилась Аннета. – Что случилось? Ты куда-то уходишь? Я иду с тобой, тебе может понадобиться моя помощь, если вспыхнет чувство страха!

– Нет! – возглас получился неожиданно резким, и Марина торопливо сбавила тон, сдерживая всплеск нервозности. – В смысле, хотела сказать, что сейчас ваше присутствие там не требуется. Мы проверим пепелище, хочу посмотреть, что от него осталось. Распаковывай вещи, располагайся и готовься к работе. Когда я вернусь, у тебя будет много дел, мы обойдем здесь все. Если возникнут проблемы в общении с охраной, обращайся к моей помощнице, она знает русский.

Помощницу Марина наняла на одном из эмигрантских форумов за два дня до отправления в Россию. Эмигрантка откуда-то с Кавказа была ее ровесницей, но на вид казалась упитанной теткой лет тридцати пяти. Марина даже использовала служебный доступ, чтобы проверить ее паспорт, но документы оказались подлинными. Девушка выглядела старше своих лет из-за полноты, а черный цвет глаз и такие же сильно кучерявящиеся волосы делали ее похожей на эмигрантку из неблагополучной арабской страны. В ходе проверки выяснилось, что Саиду, так звали новоиспеченную помощницу, недавно уволили со скандалом из усадьбы некоего банкира, где она имела должность домработницы. Сама Саида клялась, что это происки остальной прислуги, которая невзлюбила ее и подставила перед хозяевами, и сама она ни в чем не виновата.

В контексте короткой таежной экспедиции это не имело значения, Марине требовалась прислуга в полевых условиях со знанием английского, у которой все в порядке с визами и прочими документами. Саида этим требованиям отвечала, остальное Марину не интересовало. Держать служанку в курсе каких бы то ни было событий она не собирается, задача помощницы готовить еду, проводить уборку и прочее обслуживание экспедиции. А заодно при необходимости коммуницировать с наемниками в интересах Аннеты или профессора Гольдберг, если у самой Марины будут более важные дела. Потому что бегать от одного наемника к другому в качестве переводчика Марина также не собирается. Для повышения мотивации Саида получила щедрый аванс и пока со своей работой справлялась. Марина отыскала помощницу взглядом. Та заносила вещи экспедиции внутрь только что установленной палатки.

– О'кей, – Аннета несколько растерялась, не ожидав получить столь нервный ответ, и не решилась настаивать. – Я останусь здесь. Но если ты почувствуешь приступ страха, немедленно зови меня!

– Так и сделаю, – подтвердила Марина и, обернувшись к Сармату, произнесла по-русски: – Идем!

Образованная наемниками команда двинулась в сторону леса, и Марина обратила внимание, что телохранители специально удерживают дистанцию до впереди идущего. Если тот замедлялся, вся команда тоже замедлялась, если он шагал быстрее, все ускорялись.

– Почему человек впереди идет отдельно от нас? – поинтересовалась она у начальника охраны.

– Это головной дозор, – объяснил Сармат. – Необходимый элемент безопасности. Если он обнаружит угрозу, у нас будет время отреагировать.

Профессиональный подход наемников к делу немного успокаивал, и Марина вновь посмотрела на небо. Облаков почти нет, снегопад невозможен, бояться нечего. Скоро все будет позади. Под воздействием данных аргументов нервозность начала отступать, и до сгоревшего сарая она дошла спокойно. Но при виде пепелища страх всколыхнулся внутри нее с новой силой. Несмотря на то что зимовье выгорело почти дотла, а то, что от него осталось, было тщательно расчищено следственной бригадой, едва поравнявшись с пепелищем Марина невольно остановилась. Ей казалось, что вот-вот из-за обуглившихся бревен покажется покрытая трупными червями уродливая рука монстра. Образ жутких пальцев, переходящих в длинные острые когти-лезвия, в зазубринах которых виднеются частицы окровавленной плоти жертв, настолько ярко всплыл в памяти, что девушка в страхе попятилась назад.

– Где он? – мгновенно отреагировал Сармат, одновременно вскидывая автомат и закрывая Марину собой. Он коротко бросил в гарнитуру рации: – Контакт!

Наемники ощетинились оружием и замерли вокруг нее, создавая живой щит. Стволы их автоматов медленно смещались из стороны в сторону, выискивая цель для атаки.

– Марина? – Начальник охраны не отрывал взгляда от прицела. – Вы его видите? Где он? Укажите направление на цель!

– Тут… – Марина нервно сглотнула, – … никого не было… Это воспоминания… Я испугалась…

– Отбой! – объявил Сармат, опуская оружие, и ободрил ее: – Ничего. Бывает. Вы в порядке? Можем идти дальше? Тут недалеко, но, если надо, можем немного подождать.

– Идемте! – решительно заявила девушка, отгоняя страх. – Я и так ждала слишком долго!

Наемники продолжили движение, но страх не отступал. Проходя мимо пепелища, Марина невольно разворачивала голову, не в силах отвести взгляд от обугленных остатков бревенчатого сооружения. Из-за этого она запнулась и потеряла равновесие.

– Осторожнее! – Сармат подхватил ее под руку, не позволяя упасть. – Что-то не так?

– Такое ощущение, что это пепелище смотрит на меня, – нервно призналась Марина. – Я вижу, что там ничего нет, но меня как будто пронизывает взглядом насквозь! Странный взгляд… не враждебный, а безразличный… такой был у человека, который выводил нас из этого кошмара…

– Посттравматический синдром, – определил Сармат. – Психика шалит. Не поддавайтесь страху и сразу же напоминайте себе, что враг уничтожен и его больше нет. Если не потакать расшалившимся нервам, они успокаиваются быстрее.

– Тот человек был не враг. – Марина неожиданно четко увидела взгляд егеря, который не помнила с того момента, как вышла из его старой колымаги посреди ядерного объекта. – Хотя, думаю, и не друг. Ему на нас было наплевать. Даже странно, что он вообще стал нам помогать. Его потом так и не нашли… хотя он живет где-то в тайге по ту сторону мраморной горы.

– Ваш конкурент может обратиться к нему за помощью? – Сармат напрягся. – Этот человек хорошо знает местность и наверняка вооружен. Они могут объединиться?

– Оружие у него было, – подтвердила Марина, – насчет объединиться – не знаю. Конкурент пытался его найти, но не нашел, он мне сам рассказывал. Следствие его тоже не нашло, в документах сказано, что никаких лесников, егерей и их домов тут нет и не было.

– Вы были у него дома? – Начальник охраны потянулся за своим планшетом. – Можете указать приблизительное местоположение?

– Макс, то есть мой конкурент, встретился с ним возле его избы, когда ушел за помощью. – Марина с сомнением смотрела на снимок долины Оюнсу с воздуха. – Я там не была. Видела крышу этой избы с вершины мраморной горы, оттуда, наверное, смогу показать. Хотя сам Макс говорил, что вроде бы летом ее не видно, поэтому он егеря не нашел. Странно, что следователи его тоже не нашли, тут же была тысяча человек с вездеходами и вертолетами. Наверное, этот егерь переехал жить в другое место.

– Возможно, – согласился Сармат. – Но в интересах безопасности я прошу вас показать нам хотя бы направление на его дом. Вы сможете сделать это?

– Смогу, – невольно поежилась Марина. Ощущение пронизывающего взгляда не проходило. – Но для этого нужно подняться на гору. Это долго и трудно.

– Мы используем вертолет, – заверил ее начальник охраны. – Зависнем прямо над сопкой, в паре метров над землей, и у вас будет такой же обзор, как тогда. Если надо, сбросим гибкий трап и спустимся на вершину.

– Пойдемте к алтарю, – Марина заставила себя отвернуться от развалин. – Я здесь нервничаю!

Команда продолжила движение, и вскоре Марина углубилась в лес. Как только пепелище исчезло из вида, ощущение пронизывающего взгляда пропало, и психика начала расслабляться. Марина сразу ощутила, как ей становится легче, и даже тень, отбрасываемая деревьями, не вызывала паники. Наверняка потому, что раннее солнце успело подняться достаточно высоко, и его лучи отражались

от жиденького снежного покрова, сводя тени к минимуму.

Двое вооруженных людей вышли из-за деревьев почти бесшумно, и Марина запоздало заметила их появление. К счастью, на этот раз испугаться она не успела. Ее охрана отреагировала на них спокойно, и Марина узнала двоих наемников, которых Сармат послал проверить район алтаря. Один из них подошел к начальнику охраны и произнес:

– Мы пробили местность вокруг, все чисто, никаких ловушек. Алтарь, кажется, нашли. По указанным координатам лежит большой валун, сильно замшелый с северной стороны. Но, похоже, это он и есть, потому что там больше ничего нет. Следов вокруг нет, тропинок тоже. Если ему кто-то и поклонялся, то было это давно. Мы ближе пяти метров к нему не подходили, как было приказано. – Он показал Сармату зажатый в руке армейский девайс на длинной рукояти: – Пробить подходы миноискателем?

– Пробей, – согласился тот и обернулся к Марине: – Это не займет много времени.

– В этом нет смысла! – потребовала девушка. Хищение заколки наемниками, когда она находится в нескольких шагах от спасения, в ее планы не входило. – Макс не умеет ставить мины, и он досюда еще не добрался! А шаманы не станут делать ловушки возле алтаря, он предназначен для того, чтобы к нему приходили люди!

– Тогда почему там нет ни тропинок, ни следов? – спросил наемник с миноискателем. – Они что, по деревьям к нему подходят? Может, это алтарь не для всех, типа, как в Томб Райдере или Индиана Джонсе: кто не знает, как правильно идти, тому конец.

– Как вы считаете, – Сармат перевел взгляд на Марину, – это возможно? Ваш конкурент или иные лица могли установить вокруг алтаря ловушки после прекращения следствия? Прошло шесть лет.

– Невозможно! – Марину вдруг охватила полнейшая уверенность в том, что алтарь безопасен. – Пошли уже скорее! Мы теряем время! – Она решительно направилась вперед: – Где он?

– Вон там, правее! – Наемник с миноискателем указал вглубь лесной чащи. – За теми соснами.

Девушка поспешила в указанную сторону, и охране пришлось ускорить шаг. Вскоре среди деревьев показался массивный камень, и Марина невольно перешла на бег, устремляясь к нему напролом через запутанный подлесок. Она едва не разодрала туристический костюм о целую кучу каких-то кустов, дважды чуть не упала, поскользнувшись на запорошенной мелким снегом опавшей листве, но все же выскочила к алтарю вперед всех.

Алтарь действительно был большим валуном, замшелым с одной стороны и сильно потемневшим с другой. Какими-либо рукотворными очертаниями он не обладал, просто округлый валун высотой по пояс и около метра в поперечнике. Он стоял на небольшой ровной полянке между четырех мощных, высоких и идеально ровных сосен, чьи кроны образовывали над ним естественную крышу, сквозь которую на поверхность валуна падали солнечные лучи. Один из них словно вонзался в самую середину поверхности алтаря, туда, где в потемневшим от времени камне было выбито углубление в форме кинжала. Только вместо кинжала в нем лежали присыпанные снежинками хвоинки.

– Вы взяли кинжал? – Марина гневно обернулась к догнавшим ее наемникам. – Отдавайте! Немедленно!

– Мы не умеем летать! – Наемник с миноискателем, укоризненно нахмурившись, указал на нетронутый снег вокруг алтаря: – К валуну до вас никто не подходил.

На полянке вокруг алтаря никакой растительности не имелось, и по тонкому, но нетронутому снежному покрову было ясно, что к камню никто не приближался как минимум с того дня, когда в долине последний раз выпал снег. Марина лихорадочными движениями разгребла заполнившую место для кинжала хвою, но форма для хранения заколки не была глубокой, и там ничего не нашлось. Начальник охраны подошел ближе и внимательно осмотрел алтарь.

– Камень очень старый, – он указал на основание алтаря у самой поверхности. – Похоже, он сильно врос в землю. Там какие-то знаки вырезаны, видно плохо. Они грязные и наполовину под землей уже. Раньше этот алтарь был выше. Но крайние два-три дня к нему никто не подходил. Если ваш кинжал лежал здесь, то кто-то его забрал до нас. В вашем документе сказано, что ритуальный нож

был отправлен на экспертизу в Москву. Это он?

– Да, – Марина недовольно поморщилась. – В Москву он не попал. Его утеряли где-то здесь, расследование показало, что он не покидал долины. Надеялась, что он до сих пор лежит на этом уродском алтаре! О'кей, тогда план «Б»! Следствие считает, что упакованный кинжал перепутали с мусором и выбросили в одну из ям, которые были выкопаны здесь, чтобы избавиться от созданного следственной бригадой мусора. У меня есть отчеты, в которых указано местоположение этих мусорных ям! Всего их пять, мы должны проверить их все!

– Будем рыться в помоях, – негромко подытожил наемник с миноискателем, делая нарочито счастливое лицо. – Повезло!

Сармат бросил на него тяжелый взгляд, заставляя немедленно умолкнуть, и суровым тоном с расстановкой произнес:

– Значит, будем. Если так надо, то мы сделаем это. Контракт обговаривает подобный вариант. И это проще, чем подставлять шкуру под пули. Не находишь?

– Виноват, сказал, не подумавши, – примирительным тоном ответил наемник, кивком признавая свою ошибку.

Хотя, если судить по взгляду, лично Марина бы заявила, что этот головорез лучше бы полез воевать и рисковать быть убитым, чем стал копаться в помойной яме. Ну надо же, какие мы гордые! Что мы делаем в наемниках с такими-то претензиями на интеллигентность?

В этот момент гарнитура рации Сармата тихо зашипела, донося доклад подчиненных, и начальник охраны посмотрел в небо.

– Воздух! – произнес он, и его люди замерли, прислушиваясь. – К нам летит вертолет! Возвращаемся в лагерь! Марина, если это представители военных, не вмешивайтесь. Я все улажу. У нас оформлена вся необходимая документация.

Охрана вывела Марину из леса, и на открытом месте стал слышен звук летящего вдали вертолета. Девушка подняла голову и осмотрелась. Винтокрылая машина действительно приближалась к долине, но была еще далеко.

– Со стороны города идет, – определил Сармат. – Ведомственная машина.

Он неожиданно резким движением развернулся в сторону леса и вскинул автомат, пугая Марину.

– Ворон! Что у тебя? – негромко спросил начальник охраны, видимо, говорил в гарнитуру рации.

– Показалось… – Марина торопливо развернулась в ту же сторону и увидела наемника с миноискателем, сидящего в положении для стрельбы с колена. Только вместо миноискателя у него в руках был автомат, из которого он целился куда-то в сторону оставшегося от зимовья пепелища. – Как будто меня на прицел взяли… Взглядом словно насквозь пронзило… Глюк какой-то…

Среди остатков обугленных бревен было пусто, но наемник не торопился опускать оружие и продолжал напряженно вглядываться в небольшое пепелище.

– Варан! – Сармат бросил короткий взгляд на кого-то из своих людей. – Останешься с Вороном. Проверьте пепелище. Так будет спокойнее. – Он обернулся к остальным: – Возвращаемся!

Пока Марина ходила искать кинжал, занимающаяся развертыванием лагеря пара наемников успела разбить три палатки и в данный момент устанавливала биотуалет. Профессор Гольдберг вместе с ассистентом укрепляли неподалеку какой-то массивный тент, возле которого стоял короб с их оборудованием, несколько на отшибе от них обнаружилась Аннета. Медиум с недовольным лицом что-то выговаривала Саиде, тыкая рукой в сторону наемников. Похоже, ее конфликт с охраной в отсутствие Марины продолжился. Едва завидев Марину, Аннета устремилась к ней.

– Эти неотесанные маскулинные мачо перешли всякие границы! – возмущенно заявила она. – Они оскорбили меня! Это нарушение моих гражданских прав! Мужской шовинизм!

– Проблемы? – Сармат вопросительно посмотрел на Марину. На этот раз Аннета говорила по-французски, которого начальник охраны, судя по всему, не знал. Он бросил взгляд на приближающийся вертолет: – У нас есть несколько минут. Если что-то случилось, лучше решить это до их приземления. Я не знаю, кто это, и зачем они здесь, но летят явно к нам.

– В чем дело, Аннета? – Марина не стала скрывать вздох недовольства.

– Они отказываются выполнять мои требования! – негодовала медиум. – Я сказала, чтобы кто-нибудь из них сопроводил меня в лес, я хочу в туалет, но не могу идти в лесную чащу в одиночку! Там могут быть медведи и другие агрессивные животные, они могут напасть на меня! Если эти мужланы – наша охрана, то охранять – это их обязанность! Им за это платят! А этот подонок просто послал меня!

– Разве для тебя это проблема? – Марина не удержалась от иронии. Заколки, которая должна избавить ее от годами непрекращающихся кошмаров, не оказалось на этом чертовом алтаре, а эта дура лезет к ней с какой-то чушью! – Используй гипноз – и охрана не нужна!

– А… – Аннета ошарашенно смотрела на нее. – Я никогда не гипнотизировала медведя! Это не человек, это агрессивный хищник, он не поддается гипнозу!

– Тогда загипнотизируй охранников! – предложила Марина. – Или агрессивные охранники тоже не поддаются гипнозу?

– Разве для того, чтобы они исполнили свои обязанности, обязательно нужен гипноз? – уязвленно возразила Аннета, явно не понимая иронии. Несложно было заметить, что медиума больше волновало, чтобы работодательница не разочаровалась в ее способностях.

– Обычно в России это обязательное условие, – поставила ее в тупик Марина, – о какой бы профессии ни шла речь. Поэтому все русские – это гипнотизеры и ораторы, если дело касается общения с должностными лицами.

– Это… – Аннета обиженно насупилась, – не смешная шутка!

– Не смешная, – согласилась Марина. – Но проблема в том, что это не шутка. – Она обернулась к начальнику охраны: – Аннета утверждает, что ваши люди оскорбили ее.

– Да? – Сармат нахмурился и покосился на приближающийся вертолет. – Разберемся! – Он суровым тоном бросил в гарнитуру рации: – Якут! Ко мне!

Один из двух наемников, устанавливающих биотуалет, недовольно скривился, оставил работу и направился к ним. Стоящая неподалеку Саида увидела это и тоже подошла к Марине.

– Что у вас произошло? – требовательно поинтересовался Сармат у наемника.

– Она заявила, что я должен отвести ее в кустики, – миндалевидные глаза Якута недовольно сузились. Судя по внешности, настоящим якутом он не был. Скорее, метис русского и выходца из среднеазиатской республики СНГ. Марина решила, что прозвище Якут ему дали за раскосую форму глаз. – Ее одну, типа, там медведи сожрут. Мы поржали, и я сказал, что хищников в долине нет, и ей ничего не угрожает. А она начала права качать, что-то там приказывать. Тогда я сказал, что у меня нет времени водить в кустики каждую обнаглевшую бабу. У меня приказ – развернуть лагерь за час. Я его выполняю. Если ей что-то не нравится, то пусть идет в палатку и ждет начальство.

– Что, так сложно было пойти навстречу даме? – возмутилась Марина.

– Мы пошли! – Якут ткнул рукой в сторону биотуалета: – Все бросили и начали ставить сортир! Это умнее, чем водить в кусты каждого желающего! Через десять минут закончим, и хорошо будет всем, а не только ей одной!

– Но можно же было объяснить ей это нормально! – не отступала Марина. – Кто вам дал право оскорблять человека?

– Никто ее не оскорблял! – немедленно возмутился Якут, впиваясь в Аннету таким взглядом, что медиум невольно отпрянула, ожидая агрессии. – Врет она!

– Можно я объясню? – вмешалась Саида. – Это недоразумение! Они просто не поняли друг друга! Якут плохо говорит по-английски, а мисс Аннета не позвала

меня, когда пошла к ним. Он не знал, как объяснить ей, чтобы она немного подождала. Сказал ей «го хоум» и указал на палатку. Она восприняла это как оскорбление!

– Это правда! – тут же выпалила Аннета, не понявшая из состоявшейся на русском беседы ничего, кроме «го хоум». – Он сказал это и указал рукой на запад!

Возмущенная медиум хотела продолжить свою тираду, но Марина оборвала ее, не глядя.

– Хватит! – Она смотрела на заходящий на посадку вертолет. – Саида! Объясни Аннете, из-за чего все произошло! Я хочу, чтобы на этом все закончилось! – Марина перевела взгляд на медиума и добавила по-французски: – Произошло недоразумение из-за языкового барьера! Зачем вообще ты пошла к охранникам без переводчицы?! Я же сказала использовать Саиду для общения с охраной!

– Я думала, это элементарное дело, – оправдывающийся тон Аннеты удивил Марину. Похоже, ее вопрос смутил медиума. – Я…

– Позже! – Марина уже не слышала медиума. Ее внимание было приковано к чужому вертолету.

Глава четвертая

Винтокрылая машина совершила посадку, и из нее один за другим вышли четверо людей в камуфляже: две женщины лет сорока, одна без знаков различия, вторая в погонах, и двое мужчин помоложе, тоже со звездами на плечах. Первую женщину Марина узнала сразу. Это Злата, одна из помощниц отца, бывшая ФСБ-шница. Именно она занималась безопасностью Марины в тот нервный период сразу после резни, когда семья опасалась попытки мести со стороны родственников погибших. Сармат убрал автомат за спину и направился к прибывшим, но Марина остановила его.

– Пойдем вместе, это люди отца, – объяснила она. – Они из ФСБ. Наверняка они заставят меня поговорить с отцом по телефону. Попытаюсь убедить его не мешать нам, но это проблема. Надо было мне спрятаться в лесу! Вы могли бы представиться охотниками и сказать, что никогда обо мне не слышали…

– Вряд ли бы помогло, – тихо ответил начальник охраны. – Нас больше, чем их, и мы вооружены совсем не охотничьим оружием. Раз они решились на посадку и так смело идут к нам, значит, уже знают, кто мы, и ищут вас здесь целенаправленно. То есть если вас среди нас не найдут, то долину обязательно прочешут. Не понимаю, почему их всего четверо.

– Марина! – Отцовская помощница приблизилась к ним и даже не посмотрела на Сармата. – Своим опрометчивым поступком вы заставили свою семью очень сильно переживать! Я настоятельно прошу вас проследовать в вертолет, ваш отец прислал за вами самолет, мы готовы вылететь в Москву немедленно.

Она наконец перевела взгляд на Сармата и холодно добавила:

– А вам я рекомендую не вмешиваться. Этим занимается Федеральная Служба Безопасности.

– До тех пор, пока мои цели здесь не будут достигнуты, – еще более холодно ответила Марина, сохраняя деловой тон, – я никуда не полечу. Вы собираетесь применить силу к сотруднику ООН?

– Какие будут указания? – тихо спросил у Марины Сармат, глядя на ФСБ-шников, словно лев на гиен. Мол, соперник может покусать, но не победить: – Мы умеем играть в эту игру. Не впервой. Контракт это предусматривает.

– Уверена, – помощница отца услышала его слова, – что никто здесь не заинтересован в эксцессах. Вы же знаете, Марина, я на вашей стороне. Я лишь хочу решить все цивилизованно, в рамках внутрисемейных отношений. Но, если потребуется, мы применим силу закона и оружия.

– Сармат! – Марина услышала голос в гарнитуре начальника охраны. – К нам идет колонна армейских грузовиков! Не меньше роты пехоты, в полном боевом! Они уже в долине!

– Как видите, – вступила в разговор женщина с майорскими звездами на погонах, – все возможности для этого у нас есть!

Она кивнула на показавшиеся вдали, на затерянной среди деревьев убитой дороге армейские грузовики. Данное зрелище Сармата не испугало, хотя было видно, как помрачнело его лицо.

– Это усложняет, – он все так же смотрел на ФСБ-шников, но обращался к Марине, – но не отменяет контракт. Жду ваших указаний. Если наша миссия продолжается, реагировать надо быстро. До того, как они выгрузят своих бойцов.

– Я поговорю с отцом, – решительно заявила Марина. – Мне тут вторая резня не нужна! Я после первой шесть лет не могу оправиться!

Она полезла в карман за смартфоном, но отцовская помощница ее опередила.

– Ваш отец на связи, – Злата протянула Марине трубку спутникового телефона. – Обычные мобильные сети здесь подавлены. Мы в запретной зоне.

– Алло! – Марина взяла трубку. – Папа! Обязательно было мешать мне?!

– Как ты считаешь, – голос отца звучал сухо и подчеркнуто укоризненно, – что мы с мамой должны были сделать, когда узнали, что ты очертя голову бросилась в глухую тайгу, по которой бродит псих и шизофреник, одержимый ножами и кинжалами? Маму чуть не хватил удар, когда она узнала, с кем ты туда поехала! Не ожидал, что ты свяжешься с отъявленными головорезами! От них самих можно ожидать что угодно, вплоть до похищения!

– Я сотрудник ООН, папа! – с нажимом напомнила Марина. – Это мои рабочие контакты! У Организации Объединенных Наций нет претензий к этой фирме.

– Могу перечислить тебе десяток стран, у спецслужб которых претензии к ним найдутся! – парировал отец. – Тебе известно, что их люди еще несколько лет назад интересовались событиями, произошедшими в той долине?

– Они сделали это по моей просьбе! – обезоружила отца девушка. – У меня с ними деловые отношения, и я удовлетворена действиями своих партнеров! Они очень профессионально оказали мне услуги тогда и столь же профессионально оказывают их сейчас! Ты же не думаешь, что я настолько глупа, что ринусь сюда наперегонки с Максом просто так, без всякой защиты?!

– Ты могла просто позвонить мне, – не сдавался отец. – Или матери, если боялась моего отказа!

– А ты бы не отказал?! – Марина позволила себе иронию. – Только не надо лгать, как тогда, насчет якобы успешного расследования и наказания всех виновных! Я знаю, что никого не нашли! Спасибо партнерам! Тебе они не нравятся, а вот меня они не подвели! Ты бы никогда не пустил меня сюда! Отправил бы очередных дуболомов, которым пофиг! И они в очередной раз бы ничего не нашли!

– Марина, доченька! – в трубке зазвучал донельзя взволнованный мамин голос. – Ты нас так напугала! У меня чуть сердце не остановилась, когда я услышала, что ты опять поехала в это проклятое место! Чтобы там ни лежало, это не стоит твоей жизни! – Мама заплакала: – Девочка моя, зайка, пожалуйста, уезжай оттуда! У меня нехорошие предчувствия! Позволь отцу самому все порешать! Мы прислали за тобой самолет, прилетай домой, я давно тебя не видела, я так переживаю!

Мама продолжала плакать, и Марина закусила губу. Отец применил запрещенный прием. С ним еще можно поспорить, но мама будет рыдать, причитать, сейчас ей станет плохо, у нее слабое сердце. Она опять сляжет с сильным стрессом на неделю…

– Мама, не плачь, – она попыталась успокоить мать, переходя на ласковые интонации. – Со мной ничего не случится, у меня хорошая охрана, и я здесь ненадолго…

Но мать лишь зарыдала еще сильней и принялась умолять ее немедленно сесть в отцовский самолет. Наверное, она всерьез считала, что их «Гольфстрим» приземлился где-то рядом с Мариной. В конце концов ей пришлось сдаться.

– Хорошо, мама, я вылетаю в Москву, – ласково произнесла Марина. – Сейчас только закончу одно дело, это несколько часов, и выезжаю в аэропорт. Отсюда до него триста километров по ужасному бездорожью. Дай папе трубку, я попрошу его, чтобы помог с транспортом!

Мама еще раз взмолилась, чтобы Марина возвращалась прямо сейчас и без всяких дел, но трубку отцу все же передала. Услышав отцовское «алло», Марина набросилась на него с упреками:

– Зачем ты сделал это?! Зачем дал ей трубку?! Теперь ей станет плохо, и она сляжет со стрессом!

– Ты не оставила мне выбора, – сухо ответил отец. – К тому же ей уже плохо. Она не находит себе места с самого утра, когда нам сообщили, что ты в России и вылетела в Хабаровск. Я пытался перехватить тебя там, но Злата разминулась с тобой на несколько часов. Перелет Москва – Хабаровск длится долго, ты в курсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sergey-tarmashev/ekspediciya-oyunsu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити